ВЛАДИМИР ТЫЦКИХ

НА ВЫСОТЕ ОКЕАНА

не. Цели маневрировали, но это не помешало зенитчикам. 93 процентов учебно-боевых задач они выполнили с отличной оценкой. Особенно высокое мастерство показал взвод, которым командует старший лейтенант В. Павлов.

Капитан
В. СИТОВСКИЙ.

КРАСНОЗНАМЕННЫЙ ТИХООКЕАНСКИЙ ФЛОТ. *Немал трудных миль прошла Н-ская подводная лодка. И сейчас он находится в океанском плавании. Подводники успешно вы полняют все учебно-боевые задачи. Высоких результатов в по ходах добивается личный состав электромеханической боево части, которой командует капитан 3 ранга-инженер И. Климе вич. Все механизмы и агрегаты, обслуживаемые моряками, ра ботают бесперебойно, находятся в постоянной боевой готовно сти.*

На снимке: подводная лодка в море.

Фото В. ВЫСОЦКОГО.

ВЛАДИМИР ТЫЦКИХ

НА ВЫСОТЕ ОКЕАНА

ИЗБРАННОЕ

ТЕТРАДКА ПЯТАЯ

Владивосток
«Русский Остров»
2021

УДК 82
ББК 84
Т93

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА **НАРОДНАЯ КНИГА**

ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ СОВМЕСТНО
С ИЗДАТЕЛЬСТВОМ «РУССКИЙ ОСТРОВ»
(ДИРЕКТОР **АЛЕКСАНДР ЯКОВЕЦ**), ПРИМОРСКИМ
ОТДЕЛЕНИЕМ РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО
ОБЩЕСТВА – ОБЩЕСТВОМ ИЗУЧЕНИЯ АМУРСКОГО
КРАЯ (ПРЕДСЕДАТЕЛЬ **АЛЕКСЕЙ БУЯКОВ**)

Директор программы **ЭЛЬВИРА КОЧЕТКОВА**

Серия ПОЭЗИЯ. Двадцать первая книга серии

Тыцких, **В.М**.
На высоте океана / В.М. Тыцких. — Владивосток: Изд-во «Русский Остров», 2021. — 200 с.

Перед нами давно уже открыто во всей своей ширине и глубине рукотворное море, созданное талантом и вдохновением моряка-писателя, поэта, журналиста Владимира Тыцких. Есть такое выражение — «соль земли». А здесь мы имеем дело с солью моря, порой горькой, порой весьма крутого посола, но солью, которая очищает души и раны — соль врачующая, целебная.

ISBN 978-5-93577-240-6

УДК 82
ББК 84

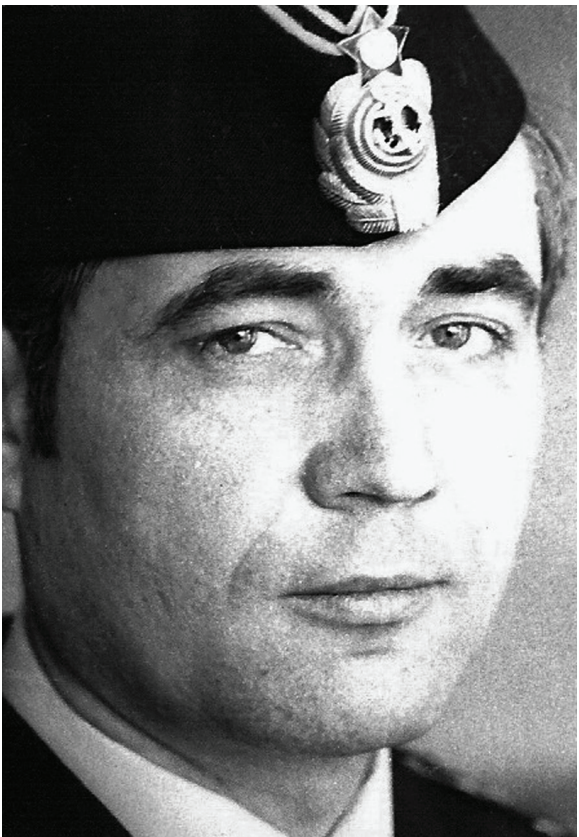
© **«НАРОДНАЯ КНИГА»**, 2021
© **Владимир ТЫЦКИХ**, 2021
© **Николай ЧЕРКАШИН**,
предисловие, 2021

НА ВЫСОТЕ ОКЕАНА

Спасибо
за помощь „Народной книге"

Ольге Тынзких (Владивосток)
Александру Борисову (Электросталь)
Татьяне Тынченко (Находка)
Олегу Шемудько (Богородское)
Павлу Шевчукову (Находка)

Эльвира Кочеткова



ПОЭТ ОКЕАНСКОЙ ПРОБЫ

Правду говорить легко и приятно, как утверждал герой булгаковского романа. Правду говорить легко и приятно, когда речь идёт о поэтическом творчестве Владимира Тыцких. И правда эта состоит в том, что перед нами давно уже открыто во всей своей ширине и глубине рукотворное море, созданное талантом и вдохновением моряка-писателя, поэта, журналиста Владимира Михайловича Тыцких. Родом он из заповедных гор Казахстана, но давным-давно стал приморцем, а Приморье вкупе с Тихим океаном стали главной географией его поэзии.

Сегодня это море поднялось на «Высоту океана».

То разбойно шумит,
то негромко о чём-то вздыхает,
Беспокойной волной
к молчаливому берегу льнёт,
И никак не поймёшь,
то ли песня у моря такая,
То ли море кого-то
с собою в дорогу зовёт…

Есть такое выражение — «соль земли». А здесь мы имеем дело с солью моря, порой горькой, порой весьма крутого посола, но солью, которая очищает души и раны, соль врачующая, целебная.

Иногда кажется, что Владимир Тыцких открыл новый поэтический жанр — публицистическая лирика или лирическая публицистика. О чём бы ни шла речь в его стихах, о каких бы высоких гражданственных или воинских материях, это всегда очень личностно, это всегда — через призму души. И ещё очень образно, с великолепным чувством языка и стиля. В кратком предисловии не приведёшь и малую толику поэтических удач, открытий, афористичных строк из весьма объёмного уже литературного багажа. Но уверенные отточенные строки узнаются сразу же после первых строф — это Владимир Тыцких и никто более. И ещё как минимум два достоинства — лирика поэта чётко мужская и очень мужественная. За каждой строкой — опыт суровой жизни, жизни моряцкой, флотской, подводницкой. Опыт, переплавленный в прозу ли, в стихи весьма высокой пробы.

В новой книге немало флотских реалий, и только что пережитых, и уже весьма ностальгических.

Все шторма
когда-нибудь
проходят.
Остаётся
Тихий океан.
Остаются дальние походы.
Глубина.
Люба и не люба —
остается разная погода.
Флаг на мачте.
Флотский строй.
Судьба.

Судьба поставила капитана 2 ранга Тыцких во флотский строй навсегда. Он остаётся в этом строю, хотя давно уже снял погоны. И это естественно. Как говорится, бывших моряков не бывает. Вот и у Владимира Тыцких служение флоту длится пожизненно — на радость всем его сослуживцам, всем читателям.

Классические по рифме и строю стихи Тыцких всегда созвучны веку, в них чёткие, порой ригористичные суждения о времени, о современниках, о самом себе. Это как памятные зарубки на дереве, или, прибегая к флотской терминологии — муссинги на спасательном тросе. На каждом

из них надо делать выдержку. Над каждым таким стихотворением тоже надо делать выдержку, запоминая его, вникая в него, проникаясь им…

В этом сборнике одно из моих самых любимых произведений. Тема извечная — воин и конь, меч, который надлежит перековать на орало. Но какая пронзительная нота в финале, про списанную подводную лодку:

…И никому не предъявляя счёт,
Ржавея в грязной бухте, словно в луже,
Она лежит на дне и молча ждёт
Прощения за боевую службу…

А сколько точных афористических слов найдено им для своих сотоварищей по экипажу, для всех подводников вообще.

И для сомнений нет причин:
Подводники — народ особый.
Мужчина океанской пробы –
Один на тысячу мужчин.
Пусть кто-то скажет: похвальба!
А нам и спорить неохота.
Подплав — не служба, не работа,
Но жизнь, и песня, и судьба.

Жизнь и судьбу своих соратников по 19-й бригаде подплава Владимир Тыцких обратил в песни. Песни, которые поют и на концертах, и в тесных компаниях. И это тоже особое свойство поэтического дара Владимира Тыцких. Далеко не все стихи становятся песнями. А если и становятся, не все поются. У Тыцких — поются и ещё как! Это «Песня недальнего похода», «Полотнище Андреевского флага», «Над волной Амурского залива», «Баллада о Чёрной речке»…

Ураган, ветер, шторм — все эти бурные стихии стали лейтмотивом многих стихотворений этого сборника. Они вбирают их и источают их. Они рождены под их вой, грохот, стенание. Потому и ложатся что на музыку, что на душу. Потому и поднимаются на высоту океана.

Николай ЧЕРКАШИН.

ПОЮЩЕЕ МОРЕ

То разбойно шумит,
то негромко о чём-то вздыхает,
Беспокойной волной
к молчаливому берегу льнёт,
И никак не поймёшь,
то ли песня у моря такая,
То ли море кого-то
с собою в дорогу зовёт.

Вянут ветры земли
над извечным простором мятежным,
Бьют поклоны форштевни,
и машут ему вымпела.
В миражах да туманах
скитаются наши надежды
И под гулы турбин,
и под тихие скрипы весла.

Пусть в ослепшей ночи
бьётся пламя прожекторных вспышек,
По бессонным отсекам
летят позывные тревог!
Если море поёт —
то лишь тем, кто способен услышать.
Если море зовёт —
то лишь тех, кто достоин его.

* * *

Мирный жребий военного флота:
Днём и ночью курки взведены.
И живёт ощущение фронта
В нас, родившихся после войны.

Мнится: вновь в маскировочном мраке,
Словно белые кости в золе,
Проступают кресты из бумаги
На дрожащем оконном стекле.

Вспоминает земля потаённо
Столько раз пережитую боль!
Из чехлов достаются знамёна,
И мальчишки стригутся «под ноль».

Военкомы не спят до рассвета,
И не знает никто наперёд,
Кто домой возвратится с победой,
Кто назад никогда не придёт.

Вот уже на причале толкутся.
Вот стоит эшелон на пути.
Остаётся уйти и вернуться.
Или, может быть, только уйти.

ПОВЕСТКА

Весна, как яхта на волне,
Шла весело и франтовато,
Но жизнь перекроила мне
Повестка из военкомата.

Припас я хлеба и махры,
Братишкам раздарил рубахи.
Мои цивильные вихры
Скосил под корень парикмахер.

Сосед шумел: — Просись на флот,
Даю совет — вернёшь с процентом!..
Была как первый сбор-поход
Дорога в область из райцентра.

И, тёплый выдохнув гудок,
На стыках рельс чечётку выбив,
Качнулся поезд на восток
Протяжной колеёй Транссиба.

И в дальней-дальней стороне
В штормах за мысом Поворотный
Не торопясь открылись мне
Железные законы флота...

Не повторить весну мою
Годам, спрессованным до взрыва,
Но я по-прежнему в строю
Матросом майского призыва.

* * *

Растянув брезент помятый
У складских дверей-ворот,
Вещевые аттестаты
Получал курсантский взвод.

И, не глядя на ростовку,
Старшина как чародей
Форму новенькую ловко
Добывал со стеллажей.

Гюйс, ремень с блестящей пряжкой
И — доныне сердце мрёт! –
Три шикарные тельняшки
Получил я в свой черёд.

Вдруг с бушлатом — остановка.
Я кричу в проём ворот:
— Погляди, браток, в ростовку –
У меня размер не тот!

Мне в ответ: — Морская сырость!
Что, в плечах широковат?
Ты вперёд гляди — на вырост
В самый раз тебе бушлат!

МАРШ-БРОСОК

Который год мне это снится:
На правом фланге — первый взвод,
И ветер, обжигая лица,
Бьёт из распахнутых ворот.

Три магазина к автомату
И на три дня сухой паёк.
Три слова нашего комбата:
«Бегом, за мной!» и — путь далёк.

«Не отставать... Проснулись, сони!
Быстрее!» — шепчет старшина.
Легко уходит от погони
Моя двадцатая весна...

* * *

Ну что такое, в самом деле!
Я горя горше не знавал:
Опять стреляю мимо цели,
А ротный шутит: «Наповал!»

И зря во время перекура
Мне кто-то пробовал внушить:
Штык молодец, а пуля дура,
И тут, мол, не о чем тужить.

Я промолчал в ответ понуро.
Я чту достоинства штыка.
Но знаю точно: пуля — дура
У никудышного стрелка.

СТИХИ О ШТОРМАХ

Изучил сигналы штормовые,
Сдал зачёты — уложился в срок,
Но качнёт — и снова, как впервые,
Палуба
уходит
из-под ног.

С борта на борт
мокрый трап –
рывками:
поскользнусь,
ударюсь на бегу...
Сколько лет к ушибам привыкаю,
и никак
привыкнуть
не могу!

Только помню
при любой невзгоде:
Мне судьбой
компа́с надёжный дан.

Все шторма
когда-нибудь
проходят.
Остаётся
Тихий океан.

Остаются дальние походы.
Глубина.
Люба и не люба —
остаётся разная погода.
Флаг на мачте.
Флотский строй.
Судьба.

* * *

Неужели Земля станет камнем бесплодным,
и во веки веков не увидит никто
этих старых цветочниц
в платках старомодных,
этой девочки в лёгком осеннем пальто;
а трамвайные рельсы сгорят, как солома,
смрадный ветер надует сугробы золы,
и за сорванной дверью последнего дома
под ногой человека не скрипнут полы?!

Мы уходим в поход.
Пусть Земля нам поможет
не пропасть, не устать, не споткнуться в пути.
Мир. Берём на себя эту хрупкую ношу.
Кроме нас, её некому больше нести.

* * *

Ночной залив прохладой дышит
В проём открытого окна.
Над каждой палубой и крышей
Благословенна тишина.

Лишь просигналит горн туманный
За гребнем островной гряды,
Да с клюва кухонного крана
Сорвётся капелька воды.

Когда бы вновь случилась вскоре,
Чтоб так сошлись на берегу
Мой дом, и тишина, и море,
И я, пред ними не в долгу.

И сердцу будет даром свыше
Ночной залив, и тишина,
И эти палубы и крыши,
И мы вдвоём, и ночь без сна.

* * *

Простая задача у встречного ветра,
У бьющей о корпус свинцовой волны –
Чтоб мы, уходя в океан предрассветный,
Хоть раз хоть на миг пожалели об этом,
Подумав, что силы уже сочтены.

И правда, уходят и силы, и годы –
Никак не вернуть, никогда не догнать.
Но после недальних и дальних походов
Нам будет, о чём на земле вспоминать.

Мы доли иной для себя не искали –
Не станем её ни ругать, ни жалеть.
Простая задача — без долгой печали
Опять к долгожданному пирсу причалить
И нежностью Родины сердце согреть.
И если успеется — в баньке помыться,
Водицы испить из лесного ключа.
А это недолго совсем — убедиться,
Что дружба крепка и любовь горяча.

От радости чайки родные заплачут —
Ну кто их за это посмеет судить?
А нам не заплакать — простая задача.
Но вымпел на гафеле бьётся, и значит –
Нам снова пора в океан уходить.

А чайки не плачут, а чайки смеются –
Сквозь слёзы их смех
нам вдогонку летит.
Простая задача — уйти и вернуться.
Уйти и вернуться. И снова уйти.

В ОТПУСКЕ

За линией береговою
В земных счастливых отпусках
Не страх овладевает мною,
Но мысль, похожая на страх.

Что я расслабился немного
В уютном родственном кругу,
Что флот подняли по тревоге,
А я застрял на берегу.

И, отдыха хлебнув в охотку,
Туда торопится душа,
Где в глубину идёт подлодка
Клинком морского палаша,

Где я судьбы своей не знаю,
Но обретаю свой покой,
Когда по мне земля родная
Скучает за моей спиной.

ПОДЪЁМ ФЛАГА

Дыханьем утреннего бриза
Металл подсушит от росы,
И в шесть ноль-ноль
Нам бросят вызов
Морские строгие часы.

Призывно в кубриках матросских
Подъём колокола пробьют,
Рассветный луч ударит косо
Во мглу пустеющих кают.

И запоют ступени трапов
Стальную музыку свою,
И бачковые хлебный запах
Вновь разнесут по кораблю.

И нам, чего бы кто ни стоил,
Опять плечо к плечу стоять,
И вновь над ровным нашим строем
Взлетит команда:
— Флаг поднять!

МАТРОСЫ

Мы в тесных кубриках горели,
В отсеках тёмных шли на дно,
Мы в службе так поднаторели,
Как по уставу быть должно.

Когда бурун винтами вспенен
И тошно всем морским богам,
Сердец матросских общий пеленг
Летит к заветным берегам,

Где всё родное, все родные
За нас печалятся о том,
Что судьбы и дела земные
Морским завязаны узлом;

Где мы, бывало, слишком просто
Наивным верили словам,
Что у матросов нет вопросов.
Есть! И решать их только нам.

Жизнь на волне и под волною
Никто не сможет нам спасти,
Когда мы вдруг не примем боя
С грозой, заставшей нас в пути.

И мы свой путь пройти готовы.
Над нашей палубой стальной –
Как в будущее из былого –
Натянут леер штормовой.

* * *

Эхом дружеских песен
твой дом опустевший укачан.
Зыбью шумных прощаний
в тебе ещё бродит земля.
Помаши ей рукой.
Пожелай ей добра и удачи.
Пусть светло и спокойно
она ожидает тебя.

Подытожив былое
вдали от родного причала,
В сотый раз убедившись,
что был в своём выборе прав,
Возвращайся к земле,
что с молитвой тебя провожала,
Все мечты и надежды
с твоим возвращеньем связав.

После всех расставаний,
недолгих и долгих отплытий,
После всех непогод,
что придётся в пути одолеть,
Возвращайся к началу
стремлений, дорог и открытий,

Возвращайся к друзьям,
чтоб любимые песни допеть.

Ничего не вернёшь.
Только ты всё равно возвращайся.
Возвращайся к себе,
чтобы помнить, любить и хранить,
И со всем, чем богат,
на родимой земле оставайся.
А иначе и смысла-то нет
никуда уходить.

* * *

По ласковому голосу комдива
Мы нынче угадаем без труда:
Опять нас ждёт бескрайнего разлива
За кромкой льда кипящая вода.

Планета стала маленькой сегодня,
И, скорого покоя не суля,
Скрипит как встарь обшарпанная сходня
Готового к походу корабля.

Ползёт причал. Прощально чайка плачет.
Горбатый берег тает в полумгле...
Как много мы могли переиначить,
Когда бы оставались на земле!

Но мы идём тревожными путями,
Болеем притяжением земли,
И время обжигает скоростями
Медлительные наши корабли.

* * *

Ветра солёные в лицо
То с севера, то с юга.
Обледеневшее кольцо
Спасательного круга.

Всё медленней мы шли вперёд,
И целый день матросы
Ломами скалывали лёд
С бортов, кормы и носа.

Вдруг померещилось тогда,
Что нет на свете суши,
Что в нас среди сплошного льда
Обледенеют души.

Спасительный сомкнули круг
«Полундрою» моряцкой,
И было плакать недосуг
И не над чем смеяться.

И даже солнце впереди
Казалось стылой глыбой...
Был так далёк конец пути,
Что знали — не дошли бы.

* * *

Уже для нас буксир разводит боны,
Ложимся курсом на приветный створ,
И рулевой-сигнальщик со старпомом
Неуставной заводят разговор

О том, что, мол, одна на всех планета
И всё-таки у каждого своя
Дорога сквозь закаты и рассветы,
Свои причалы и своя земля;

И старый сад, и травы молодые,
И отчий кров, и свод небес над ним,
Где вдруг напомнят тучи грозовые
Растаявший над палубою дым.

К заветному крыльцу тропинка вьётся.
Петляет за околицей река.
И моряку без них не заживётся.
И им никак не жить без моряка...

До пирса за грядою волнолома
С полдюжины томительных минут...
В краю родимом ждут-пождут старпома,
В отцовском доме рулевого ждут.

Волна, вскипая, бьёт земле поклоны,
И путь домой далёк, и между тем
Уже для нас буксир разводит боны,
И всё на свете связано со всем:

Земля и море под луной и солнцем,
Корабль, который к берегу идёт,
И родина, куда мы все вернёмся,
Когда сумеем защитить её.

МОРЯКИ

Вячеславу МАРЧЕНКО,
автору повести «Год без весны»

Поблекнет осенняя сказка,
Дожди затяжные пройдут.
Поделим по-флотски, по-братски
И вахты, и воздух кают.

По сердцу разделим тревогу,
В которой зимует весна,
И вновь просигналит в дорогу
Протяжный гудок ревуна.

Пусть вымпел над мачтою вьётся –
Мы выбрали море и флот.
Уходим, как в песне поётся,
В суровый и дальний поход.

Но к часу разливов весенних
Шалеющей талой воды
Отыщем пути возвращенья
По свету знакомой звезды.

Увидим: спокойствием дышит
Земля, зелена и тепла,
И в шёпоте листьев услышим:
— Без вас бы весна не пришла.

* * *

Горнист медногорлый споёт увертюру
тревогам:
мы снова испробуем море на вкус и на цвет.
И каждый матрос будет в море
и чёртом, и богом,
ведь там, кроме нас, ни святых
и не грешников нет.

Наш путь не угадан никем
и ничем не означен,
но штурман колдует
над картой с утра до утра,
и крестят попутную тучу высокие мачты,
и свищут в надстройках
охрипшие напрочь ветра.

Глазастым радаром манёвр корабля
не замечен.
А волны как взрывы вспухают у борта опять.
И валится небо на наши усталые плечи,
и наша задача — суметь на ногах устоять.

Вернёмся нескоро.
И снова, заслышав тревогу,
разбудим глубины вращеньем
тяжёлых винтов,
и всем экипажем морскому
помолимся богу,
хоть знаем, что нам кроме нас
не поможет никто.

ПОСЛЕ СТРЕЛЬБ

Капитан-лейтенанту
Игорю МАРЮХНИЧУ,
командиру артиллерийской
боевой части эскадренного
миноносца «Огненный»,
соседу по каюте

Ну что же, ребята, закурим!
Чей крепче сегодня табак?
Мы дыма и пота хлебнули
Во время «воздушных атак».

Мы вовремя нынче успели
Громами прикрыть тишину,
И низколетящие цели
Красиво ушли под волну.

Желанна команда отбоя,
И небо в прицелы видно
Такое опять голубое,
Каким не бывало давно.

До базы с довесочком мелким
Каких-нибудь пара часов,
А дальше и вовсе безделка —
И якорь отдать, и швартов.

Качает от шуток матросских
До блеска прошвабренный бак.
Эй, друг, доставай папироску –
Меняю «Фантом»* на табак!

Дымим на восток и на запад,
И каждый глядит молодцом,
И сходит спокойно по трапу
Флагарт с просветлённым лицом.

---

* Многоцелевой самолёт-ракетоносец (истребитель, штурмовик и пр.), широко использовавшийся военным флотом США в воздушном пространстве морей и океанов.

* * *

Всё нормально. Светлый день.
Ночка тёмная.
Бескозырка набекрень.
Море волнами...
Шутка в деле. Западня.
Воля случая.
Недоступная моя.
Песня лучшая.

Ну а в море пароход.
До свидания...
У причала крепкий лёд.
Ожидание.
Слово, главное в строке.
Лада, ладушка.
Нынче в дальнем далеке –
завтра рядышком.

А со мной моя вина,
нет сомнения.
Но в душе опять весна.
Возвращение.

В лютый холод февраля,
знойным летом ли...
Песнь заветная моя.
Недопетая.

На фуражке жёлтый краб.
Звёзды на небе.
Под ногой скрипучий трап.
До свидания!
Вековая голубень.
Ширь бездонная...
Всё нормально. Светлый день.
Ночка тёмная.

СТАРЫЙ СЮЖЕТ

Всё так знакомо! Торопливы сборы.
Прощанье кратко.
Долгим будет путь.
И вдруг вдали мы осознаем суть
Былых необязательных раздоров,
Нечаянных поступков, о которых
Придётся пожалеть когда-нибудь.

И мы простим давнишние обиды
Докучливым соседям и родне,
И, старой дружбой
дорожа вдвойне,
Для новой будем всей душой открыты,
И будем наблюдать морские виды,
И честно чтить устав морской планиды,
Но вспоминать и думать о земле.

Дом. Коммуналка.
Тапочки в передней...
Казалось бы — такая дребедень!
Но море разделяет свет и тень
В покое городов и деревень,
Где о высоких помыслах и бреднях
Нам было и задумываться лень...

Ход жизни не бывает малым, средним –
Жизнь каждый миг полна,
как чаша всклень.
И каждый новый день —
как день последний,
И каждый день и впрямь —
последний день.

* * *

Как рассказать о море, о походе
Тебе, родная, вам, мои друзья?
О том, как звёзды плавно хороводят
Над мачтами и рубкой корабля;
О чуткой настороженности пушек
И резких звуках боевых сирен,
О том, как ветер — то ясней, то глуше –
Гудит в плену внимательных антенн;
Как быстро над кипящею волною
Плывёт и тает за кормою дым,
Как быт земной, как всё вдали земное
Становится отчаянно родным;
Как сердце встречи с берегом желает,
Как долго, долго, долго встречи ждать...
Кто в море не ходил, о том не знает.
А кто ходил, не сможет рассказать.

ТОСТ

Остынет боль случайного паденья,
Неловкая забудется вина.
Не станем у себя просить прощенья,
Просчёт ума и сердца заблужденье
Прозреньем поздним оплатив сполна.

Жалеть ли нам о том, чем мы богаты
В кругу друзей и недругов своих,
О прошлых обретеньях и утратах,
О пепле остывающих закатов
И ярости рассветов молодых!

Пусть наша боль и радость повторится.
На свете ничего дороже нет.
Вглядимся ближе в дружеские лица
И будем перелистывать страницы
Счастливых дней и несчастливых лет.

А жизнь, как хочет,
пошумит, покружит –
Смутит сердца и омрачит умы.
А мы, как можем, ей ещё послужим.
Не будем лучше и не будем хуже,
Но будем тем, чего достойны мы.

* * *

Зимы балтийской всё приметней знаки.
Волна и ветер. Брызги на лице.
Мы в полигоне: отдан левый якорь,
Натянута втугую якорь-цепь.

У верхней вахты грустная задача –
С надеждою смотреть по сторонам
И ждать, когда осенний шторм отплачет,
Отвоет ветер, отгудит волна.

Глубоководным спускам водолазов
Приказом жёсткий срок определён,
Но шторм мешает, и полночным часом
Не спят матросы в кубрике своём.

В сознанье их давно уже пределы
Положены и отдыху, и сну —
Им страшно трудно ничего не делать,
Когда они хотят на глубину.

И сколько впереди ночей не спать им,
Они не знают, и не знаю я...
Балтийский флот. Наш маленький спасатель.
Поэма лейтенантская моя...

* * *

Три дня всего, как вымпел с мачты снят.
Эсминец стар и непригоден к бою.
Который час, который век подряд
Дрожит туман над чистою водою?

Промёрзшие до солнца небеса
Над кораблём внимательны и слепы.
Припайная глухая полоса
Удерживает мёртво якорь-цепи.

Густеет ночь. Огни вмерзают в лёд.
Грустит фонарь над стенкою
причальной.
И вдруг — звезда над морем упадёт!
Случайно ли?
А кажется — случайно...

* * *

Быстролётная жизнь —
ах, когда б ни конца ей, ни края!..
Море гасит лучи проблесковых
маячных огней,
И как будто кристаллами соль
проступает морская –
Прорезаются звёзды
над долгой дорогой твоей.

Пусть единственный берег
опять испытает разлукой
Всё, чем трудно и щедро
одарено сердце судьбой.
Сколько дней и ночей
обернутся то счастьем, то мукой?
Сколько новых штормов обессилят,
не сладив с тобой!

Но ещё угрожает тебе небывалое лихо:
Слышишь — ветер доносит! —
враждебность в чужих голосах,
А Земля — как корабль,
что не знает о мелях и рифах
И, кренясь и качаясь, несётся на всех парусах.

Кто успеет увидеть
и вовремя ей просигналит –
Если курс не изменится,
дальше не будет пути!
Это важно, конечно же,
важно, что станется с нами.
Но её не спасём —
нас уже никому не спасти.

РАБОЧИЙ КИТЕЛЬ

Он самый старый долгожитель
В походном шкафчике моём –
Обыкновенный флотский китель,
Потёртый кожаным ремнём.

Навстречу мне всегда распахнут,
Как накануне ни устал,
Он в праздники, сменившись с вахты,
На узких плечиках дремал.

В нём дух каюток многоспальных,
Он весь соляркой пропах
И дымом кухонь коммунальных
В глухих военных городках.

Ни якорей, ни канители,
Ни боевых на нём наград,
Но моряку он ближе к телу
Тужурок, шитых на парад.

В мечтах ко мне являлся прежде
Совсем иным военный флот...
В шкафу парадная одежда
Не старится который год...

УЧЕНИЕ ПО ЖИВУЧЕСТИ

Подвахта спит без лишних сновидений,
Но бдительный вращается радар,
И в графике старпомовских учений
С «пробоиной» соседствует «пожар».

Не заскучаешь с нашей службой строгой –
Для моряка обычные дела:
За эту ночь в четвёртый раз тревогу
Пронзительные бьют колокола.

И к чёрту сон, и побоку усталость!
Дай слабину — они тебя сомнут.
Нам, может быть, до гибели осталось
С десяток обжигающих минут.

Тут ни к чему пустые оговорки
О том, что, мол, условен этот бой,
И мы крепим стальные переборки,
Не торопясь пожертвовать собой.

Вкус нашей жизни, он бывает жгучим,
И многое бы в ней пошло на слом,
Когда бы нас бороться за живучесть
Ни научили море и старпом.

СИГНАЛЬЩИК

Ветер, даром что вешний,
над мачтой высвистывал грубо,
резал струи дождя,
поднимал и горбатил волну.
И сигнальщик с усилием
стягивал бантиком губы
и дышал на ладони.
Впервые за эту весну
мы коростою льда
не покрылись на выходе в море,
и впервые старпом
командира на чай подменил,
но южак с северком
всё ещё пребывали в раздоре,
и походная вахта
опять выбивалась из сил.
А сигнальщик
погоду
поругивал голосом хриплым
и крутил головою,
глаза напрягая до слёз,
и дышал на ладони...

Рокочущий дизельный выхлоп
заглушала волна,
на корму налетая внахлёст.
Шёл весенний тайфун.
Шли последние сутки похода.
Ветер, дождь, океан
честно делали дело своё.
Но уже неизбежной была
перемена погоды,
и усталый сигнальщик
предчувствовал первым её.

* * *

Памяти капитана 2 ранга
Леонида КЛИМЧЕНКО, старшего
лейтенанта Александра ПОНОМАРЁВА
и ещё ТРИДЦАТИ ПЯТИ МОРЯКОВ,
погибших на крейсере «Адмирал Сенявин»
13 июня 1978 года

Когда взойдёт последняя заря.
когда закат последний отпылает,
уйду я, ничего не говоря,
не пряча, не жалея, не желая.
Не по моей и по моей вине
ещё беда с бедою рядом встанет;
мне отдохнуть от них пора настанет,—
мои друзья, не плачьте обо мне.

Когда судьба сочтёт земные дни,
и вы, скорбя, узнаете об этом,
друзья мои, соратники мои,—
храни вас Бог! — не торопитесь следом.
Коль будет суждено сгореть в огне,
мой прах горячий над полынь-травою,
над скудною отеческой землёю
развейте и не плачьте обо мне.

Когда последний песенный куплет
я допою над берегом любимым,—
последний раз сойдётся клином свет
на парусе, что пролетает мимо.
Я был и под волной и на волне,
и в царстве тёмных смут
и истин ложных,
когда, казалось, счастье невозможно,
я счастлив был. Не плачьте обо мне.

* * *

Ещё причал невыносимо близко,
И ветер с моря на мгновенье стих
Под музыку турбин и клич горниста,
Под медный выдох маршей строевых.

Махни рукой над музыками всеми,
Махни рукой, благословляя в путь!
Разлуками украденное время
Нам возвратит судьба когда-нибудь.

Ничто на свете не было напрасным –
И малая слезинка горяча!
Мы никому на свете не подвластны,
Но всех узлов не разрубить сплеча.

И до поры, покуда сила злая
Не пропадёт, не порастёт быльём,
Я ничего спасительней не знаю,
Чем штормовое ремесло моё.

И разделяет нас бетон причальный
Лишь для того, чтоб вновь соединить.
Нам этот миг, последний миг прощальный
До встречи или смерти не забыть.

И боль, что иссушает наши души,
И весь запас живого их тепла –
В неразделимости морей и суши,
В непримиримости добра и зла.

ТРЕВОГА

По-над водой, где тучам зябко
И небо льётся из прорех,
Стучит, стучит, стучит морзянка
В хаосе радиопомех.

Лучом прожектор полночь рубит.
О чём, о чём сигналит он!
Так сладко спит матросский кубрик.
Так чуток этот сладкий сон.

Тревога! Нас зовёт тревога
И сны срывает с якорей.
Бежим, бежать стараясь в ногу,
Чтоб легче было и быстрей.

Трап прогудел под каблуками.
Люк громыхнул над головой.
А что в пути случится с нами,
Ещё не знает шар земной.

* * *

По плану подготовки боевой
Мы вышли в ночь на поиски конвоя.
Учебный бой, бесспорно, тоже бой.
И мы живём предощущеньем боя.

Приборных шкал зелёный пересверк.
От напряженья занемели руки.
Надёжно перекрыли путь наверх
Задраенные рубочные люки.

Ещё один глухой удар волны...
Отсеки ждут сигнала к погруженью...
Короткое мгновенье тишины
В смертельно затянувшемся сраженье.

СОБАЧЬЯ ВАХТА

Связала ночь из кипени тумана
Глухую непроглядную вигонь.
Единственной звездой над океаном
Горит на мачте топовый огонь.

Вращаются на дальности предельной
Локаторные острые лучи.
Тревожный голос рынды корабельной
Протяжно растекается в ночи.

На ГКП* — сквозняк с углов и щелок,
Мерцающий гипноз приборных шкал,
Дрожанье красных и зелёных стрелок,
Без устали крутящее штурвал.

Сигнальщик в двух шагах всего, однако –
Как глаз ни щурь — не разглядишь лица.
Всесильна ночь. И кажется во мраке —
Не будет ей ни края, ни конца.

---

* ГКП – главный командный пункт корабля.

А за кормою океан клокочет,
И кто-то дальний тешится мечтой,
Что мы поверим в бесконечность ночи
И примиримся с вечной темнотой...

Как после этой вахты сладко спится!
Недолго, жаль. Вновь будет ночь темна,
И вновь собачьей вахте будет мниться,
Что никогда не кончится она.

Но тьме, уже, казалось, беспредельной
Наступит свой черёд и укорот.
Не подведёт хронограф корабельный.
И смена, как всегда, не подведёт.

* * *

Половинка луны
На приморском обветренном небе,
И матросские сны,
И волны уплывающий гребень;

И калинная гроздь,
И дурман казахстанской полыни –
Всё, что прежде сбылось,
Охраняется сердцем доныне.

Что просить у судьбы?
Да не стоит загадывать даже.
Лучший друг не забыт.
Самый давний костёр не погашен.

Ты в морях не пропал,
А попал, дотянув до причала,
С корабля да на бал –
Как тебя на балу укачало!

Нет взбесившихся волн,
Нет по курсу ледовых торосов –
То ль сбывается сон,
То ли снова он снится матросу.

Этот сон, этот бал,
Этот пир... Горы, долы и реки...
Только раз побывал,
И — уже расстаёшься навеки.

* * *

...И снова раньше времени — подъём!
Сто раз водой крещёный и огнём,
Стою у трапа на краю причала
И думаю сто первый раз о нём:
Чем станет он — концом или началом?

Здесь, на краю земли и тишины,
Размытый берег, пирс шероховатый
И воздух, морем пахнущий, полны
Таким предощущеньем глубины,
Что кажется: оттуда нет возврата.

Матросов тороплю: быстрей, вперёд!
Они бегут, бегут по трапу мимо.
И лодка содрогается незримо.
А солнце очень медленно встаёт.
И мы опять не знаем, что нас ждёт,
Но знаем, что идти — необходимо.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОТСЕК

— Принять балласт!..
От параллели дальней
идёт чужой эскадры плотный фронт*.
Негромко щёлкнул тумблером
центральный:
— Акустики, прослушать горизонт!

Поют винты. Всплывать ещё не скоро.
Но в герметичном чреве корабля
Мы знаем всё, о чём вздыхает море,
И всё, о чём тревожится земля.

Железной гарью пахнет ветер века.
Гудит над нами тёмная волна.
И в тишине
центрального отсека
Всемирная
хранится
тишина.

---

* Фронт — строй кораблей, находящихся на одной линии бортами друг к другу, идущих одним курсом.

* * *

— Воюем всё... — вздохнул угрюмо
старпом (от пота лоб рябой).
«Воюем...» — командир подумал,
но вслух сказал:
— Само собой!

В отсеках меньше стало шуток,
хоть здесь они всегда в цене.
Мы, не всплывая, больше суток
шли на рабочей глубине.

А над водою небо млело,
и за чертой береговой
трава июньская густела,
в лесочке нежно птаха пела,
и время шло само собой.

Ты с кем-то встретилась, простилась...
Шумел за окнами прибой...
Земля вращалась. Пыль клубилась.
И солнце по небу катилось.
Само собой.

* * *

Мы снова в походе. Мы сбились со счёта
Тревог, погружений и вахт ходовых.
Подводная лодка. Мужская работа.
Суровое братство друзей боевых.

В ночи растворятся закатные краски.
Всплывём и бесшумно войдём в полигон.
По левому борту засветится красный,
По правому борту — зелёный огонь.

И только под утро, пред самым рассветом,
При встрече с другим боевым кораблём
Нам скажет посредник, что наши торпеды
Победно прошли у него под килём.

А штурман, в отсеке всхрапнувший уютно,
И двое матросов — ночных рулевых –
Опять не увидят, как новое утро
Погасит созвездье огней ходовых.

* * *

Всплываем в полночь. Ходовых огней
Не видно в мельтешенье снегопада.
Готовимся к зарядке батарей.
Да ужин — наконец-то! — справить надо.

Натужно вентиляторы ворчат
И крутятся почти что бесполезно,
Мешая дух сопревшего борща
Со сладковатым запахом железа.

Сигнальщик тишиною оглушён.
На море штиль, и ночь бела от снега.
Подвахте выход наверх разрешён
По одному от каждого отсека...

Тангетку стиснет радиометрист:
«Центральный!.. цель воздушная.», и махом
Всех перед погруженьем сдует вниз,
Где не борщом, а нашим потом пахнет.

Принять балласт! Мы по местам стоим.
В отсеках душных тишина до звона...
Остывший борщ мы после поедим.
Потом запьём компотом макароны.

Не огорчил бы только моряков
Гидроакустик, стиснувший тангетку:
«Центральный!.. слева —
справа шум винтов!»
И кок слезу глотает незаметно...

Но тот, кто нас жалеет, он не прав.
На глубине, на грани, на пределе
Нас не жалели море и подплав,
И мы о том ни разу не жалели.

* * *

О чём писать?
На то не наша воля.
Николай РУБЦОВ

Душа полна непреходящей боли
За будущее песен, звёзд, держав.
О чём писать? На то не наша воля.
Ты прав, матрос, ты безнадёжно прав.

Сдурел февраль от лютости норд-веста.
Сомлел июль под ласковым дождём.
Пока живём, всему достанет места,
И нет невечных тем, пока живём.

И в поэтических погодных сводках
Так очевидно преуспели мы...
Но вот сейчас идёт моя подлодка
Средь непроглядной океанской тьмы.

Там, вне пределов тесноты отсечной,
В забортной подозрительной тиши
Меж вечным словом и безмолвьем вечным
Проходят боевые рубежи.

АВТОНОМКА

За часом час. За милей миля.
В отсеках дремлет тишина.
Опять весна проходит мимо.
Невозвратимая весна.

Тоскуем. Писем ждём из дому.
Их путь не близок и не прост.
Сердца крепить по-штормовому
Нам прикажи, центральный пост!

Летят вдогон метеосводки:
Вселенский сбор шторма трубят.
Мы в прочном корпусе подлодки
Узнаем правду про себя.

Равняя дифферент и крены,
В тисках предельной глубины
Постигнем истинную цену
Вещам, которым нет цены.

ВОЛНА

О чём весной и летом, о камни разбиваясь,
И вторя, и противясь безжалостным ветрам,
Горячая, свободная, шальная, штормовая,
Она сказать хотела любимым берегам?

Под небом, оглушённым протяжными громами,
О чём она стенала от гавани вдали,
Бессолнечными днями, беззвёздными ночами
Швыряя, словно щепки, большие корабли?

Высокая, упругая, тяжёлая, крутая,
Солёный горький холод подъявшая со дна,
Увенчанная гребнем и в пену завитая,
О чём она кипела, осенняя волна?

О чём она терзалась меж Сциллой и Харибдой,
Когда ползли навстречу Гоморра и Содом;
Кого она пыталась держать над бездной гиблой,
О чём глухой зимою грустила подо льдом?

В её тревожном гуле, в её молчанье грозном
Недолго безответным останется вопрос,
Кому не сладить с нею, а возвращаться поздно,
И времени не хватит в эфир отправить SOS.

А нежный плеск напомнит земле и океану,
Кто, кроя в душу, в маму
и в тридевять морей,
Шёл при погоде ясной,
шёл в штормы и в туманы,
И мучился, и спорил, и породнился с ней.

НОЧЬ НА РОЖДЕСТВО

Капитану 1 ранга
Игорю ЛИТВИНЕНКО,
командиру моей подлодки

Мы с командиром, заскучав маленько,
Вернувшись с моря в ночь на Рождество,
Употребляли спирт под карамельку
В холодном кабинетике его.

Проверив дважды лодочную вахту,
Вошли мы в этот самый кабинет,
И командир шепнул: «Немножко жахнешь?»
И я ему сказал: «Вопросов нет».

Умчалась по домам сходная смена,
И вымотанный морем экипаж
Отбился и уснул почти мгновенно,
Ничем не нарушая праздник наш.

Мы шахматы расставили... Он — душка.
И я ему проигрывал слегка.
И мне хотелось жареной индюшки,
И грезил он цыплёнком табака.

Но табака, тем более индюшки
Там не было, а были вместо них
Вода в графине, спирт в бутылке, кружки
И в блюдце барбариска на двоих.

Бутылку мы прибрали между прочим.
И солнце заглянуло к нам в окно.
И было той рождественскою ночью
Спокойствие страны защищено.

БАЛЛАДА О ВЫХОДНОМ ДНЕ

«Слава Богу,— сказала,— живой...»
Взгляд исполнен и счастья, и муки.
Вот я снова стою пред тобой
После долгой, как вечность, разлуки.

Кочевая моряцкая жизнь.
Штормовое хожденье по кругу.
Долгожданная встреча, продлись!
Укрепи нашу веру друг в друга.

Обняла: «Больше так не могу!
Есть терпенью последняя мера.
Ты со мной на родном берегу,
Ты со мной — вот и вся моя вера!»

Что же делать? За всё наперёд
Мы платили высокую плату.
Выйдем к морю — лицом на восход,
А спиной повернёмся к закату.

В ветровом и дождливом краю
Нынче лето по-южному щедро.
Обрати меня в веру свою –
Поживём и легко, и оседло.

Протяни как прощенье ладонь –
Этот день повторится не скоро...
Светит солнечный вечный огонь
Над зелёным и синим простором.

Помоги не погаснуть огню.
Вновь подлодка к походу готова.
Обрати меня в веру свою...
До скончания дня выходного.

* * *

Согрелись дизеля, запели,
Железный загремел клавир.
«Чем ближе берег — чаще мели» —
Махнул рукою командир.

И все обиды, все печали,
Все роковые «почему»
Остались за чертой причальной
В моём дому — твоём дому.

Разлука — твой заступник строгий.
Но чем желаннее земля,
Тем тяжелей мои дороги,
Тесней каюта корабля.

Всё чаще в памяти всплывают
Причал, прибоя полоса,
Твой взгляд, твоя мольба немая,
Твоя прощальная слеза.

И, этой памятью изранен,
Я понимаю всё ясней –
Как мне ни трудно в океане,
Тебе на берегу трудней.

Но чувств разлуки не остудят.
Любую клятву дать готов:
У нас иных не будет судей —
Одна любовь, одна любовь!

И звёзды все, и все туманы,
И дело, главное в судьбе,
И вся земля, все океаны,
И сердца стук, и в сердце раны –
Одной тебе, одной тебе!

* * *

Что ты ворчишь на жену, на погоду –
Не для тебя эти штатские речи.
Помнишь, мы в тесном отсеке полгода
Ждали с отеческим берегом встречи.

Там, где над пальмовыми островами
Ночь на ничейных созвездиях висла,
Мы говорили простыми словами,
Полными очень глубокого смысла.

Так получилось: разлуками флота
Наши счастливые встречи хранимы.
Мы говорили, что после похода
Будем добрее к земле и любимым.

Там, под водой, за чужими ветрами,
Так далеко, как другим и не снилось,
Мы говорили, что Родина с нами,
И не сдавались печали на милость.

Лодка недолго к причалу прижата.
Ты не ругай ни жену, ни погоду.
Ведь не они, не они виноваты
В том, что мы снова идём на полгода.

Там, где слепящее пламя закатов
Медленно гасят нейтральные воды –
Злые радары не наших фрегатов,
Хищные тени не наших подлодок...

* * *

Весь мир играл в «холодную» войну.
Мы уходили молча от причала
И загоняли лодку в глубину,
И нас она из бездны поднимала.

В походах с февраля до января
Мы никого запомнить не просили,
Каких утрат нам стоили моря,
Каких земля нам стоила усилий.

На взлёте лета, посреди зимы,
Храня сухим, как надлежало, порох,
Мы чуяли немилосердность тьмы
За толщею хрустящих переборок.

Но, видевший в лицо вселенский мрак,
Теперь, в виду открывшихся сомнений,
Я офицерский китель на пиджак
Сменил почти без горьких сожалений.

И командир мой бывший, и старпом,
Шинельки сняв, живут отныне с толком.
А лодка наша списана на лом,
Как говорят на флоте, на иголки.

И никому не предъявляя счёт,
Ржавея в грязной бухте словно в луже,
Она лежит на дне и молча ждёт
Прощения за боевую службу...

* * *

Была ты, я скажу не в шутку,
И телом нашим, и душой.
Не зря когда-то твой конструктор
Отмечен премией большой.

А нынче песнею горниста
Ты не приветствуешь зарю,
Навеки от родного пирса
Оттянутая за «ноздрю».

И даже не латая дыры,
Без сил тоскуешь на мели.
Скажи, какие командиры
Тебя досюда довели!

И надвое твоим форштевнем
Уже не режется волна.
Как над покинутой деревней
Молчит над рубкой тишина.

Эх ты, слепая дизелюха!
Вдруг эта тишина — враньё?
На всякий случай хоть вполуха
Ты слушай все-таки её...

* * *

Ах, если бы вновь было можно
ещё ни о чём не жалеть
и, горьких разлук не итожа,
впервые тельняшку надеть;
увидев старшинские лычки,
подбрасывать руку к виску,
не знать непутёвой привычки
впадать без причины в тоску,—
чтоб снова при мысли о море
кружилась чуть-чуть голова...
и быть у любимой в фаворе...
и мама была бы жива...

* * *

МОРЯКАМ родной 19-й бригады
подводных лодок

Нас нынче мало. Ну и что?
Как говорится, мы в тельняшках.
Пусть нам в морских глубинах тяжко,
Но там не видит нас никто.

И для сомнений нет причин:
Подводники — народ особый.
Мужчина океанской пробы –
Один на тысячу мужчин.

Пусть кто-то скажет: похвальба!
А нам и спорить неохота.
Подплав — не служба, не работа,
Но жизнь, и песня, и судьба.

Подводники... Не соль земли –
Скорее, соль седьмого пота.
Но соль морей на всех широтах
Лишь мы попробовать могли.

У нас всё честно — жизнь и смерть.
Равны пред гибелью и славой,
Мы души отдали подплаву –
Нам больше не о чем жалеть.

* * *

Капитан-лейтенант, вы слегка очумели
от земли и гуляете вновь от рубля:
океан раскачал штормовые качели,
и сегодня на них укачалась земля!

Капитан-лейтенант,
мы едва ли знакомы,
только я вашу песню давно уже спел.
Вы когда-нибудь сами кому-то другому
так же скажете и отойдёте от дел.

Дай вам боже, чтоб это
случилось нескоро!
Жить с землёю в разлуке —
тяжёлый талант.
Завтра вновь уходить
в штормовые просторы,
а пока вы гуляйте,
капитан-лейтенант!

Пойте песню, покуда она не допета,
пейте ром или что там в бокале у вас!
Приглашайте на танец вон ту или эту —
вам, надеюсь, никто не откажет сейчас.

Вон, смотрите:
красавица прямо по курсу.
Шар — на «полный»!
Считайте, что ей повезло...
Капитан-лейтенанты
записками с «Курска»
вам напомнят, какое у вас ремесло...

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Я родилась в селе Дунай...
Дуная больше нет...

Никто не смог, никто не спас.
Разрушенный причал.
Державы ядерный запас,
Начало всех начал.

В осколках, в ржавчине, в золе
Мой Китеж-град немой.
Он предан был своей земле.
Точней — своей землёй.

Василина ОРЛОВА

Ну, куда мы едем, Василина?..
Странно ветер родины горчит.
Атомное сердце субмарины
Возле пирса больше не стучит.

В выломанных окнах военторга
Куклы на витринах не живут.
Но от дома к берегу — недолго:
Двадцать лет и несколько минут.

Только где он, дом, никто не знает –
Не найдёт ни крыши, ни стены
Девочка, рождённая в Дунае,
Атомная девочка страны.

Камешек из детства — под ногою.
А причалы грозные — мертвы.
Дорогое... дальнее... другое –
И во снах не видно из Москвы.

Лишь ветрам, как прежде, нет преграды,
Лишь ветра без устали поют
Про давно забытую Гренаду,
Про подлодку, что всплывала тут.

...Станет поздно всё, что было рано.
Вон, как тает дымка вдалеке...
Брызгами прибоя соль на рану –
След от босоножки на песке.

Дочь морская, чайка Василина!
Потерпи ещё, не улетай.
Слышишь? Над солёною пустыней
Стон сирен: Дунай... Дунай... Дунай...

Посёлок Дунай, бывшая база
ракетных подводных лодок СССР

* * *

«Там идёт день и ночь в эту пору
Тополиный рассыпчатый снег.
Здесь — холодный пенал коридора
Из центрального в первый отсек.

Там летят электрички за город
И шипит газировкою пляж.
Здесь под шорох электромоторов
Больше суток не спит экипаж...»

Я писал эти строки на лодке
Не припомню, в котором году.
Видно, выдался отдых коротким,
И шептались они на ходу.

Нет начала у стихотворенья,
И сюжет его не завершён.
То ли быстро прошло вдохновенье,
То ль сморил кратковременный сон.

Это, в общем-то, было не важно.
Важно было идущим сквозь тьму,
Что настрой боевой в экипаже,
И подлодка послушна ему.

Мы вопросов нелепых не знали,
Не пытали о том никого,
Для чего мы со смертью играли,
Уходили в моря для чего.

Пусть о нас равнодушно забыли,
Но по зову родимой земли
В те моря, где без страха ходили,
Мы бы вновь без вопросов пошли.

ТОСТ ОФИЦЕРОВ ПОДПЛАВА

Не стали мы в отсеках субмарин
Любимцами известности и славы,
Богами нами пройденных глубин –
Мы просто офицеры из подплава.

Мы в океан ныряли, как в окоп,
И никакие тучи не мешали
Заглядывать ночами в перископ
Созвездиям обоих полушарий.

Мы жили от тревог и до тревог,
Зато была спокойною Держава.
Увы, мы не всесильны, видит Бог –
Мы просто офицеры из подплава.

Наш тост за тех, кто нынче среди нас,
Кто нам вослед идёт упрямым курсом,
И тех, кто в море уходил сто раз
И только раз из моря не вернулся.

Мы и живём, и служим однова.
И первый, и последний наш молебен –
Во имя тех, кем Родина жива
И на земле, и в море, и на небе.

* * *

Когда уходим в море, вместе с нами
На голубой качаются волне
Тень быстрых яхт под всеми парусами,
Свет облаков, скользящих в вышине.

Когда уходим в море, с нами вместе
Идут земля родная, отчий дом,
Любимые друзья, стихи и песни,
Сны о грядущем, память о былом.

Они с грозою бьются рядом с нами
Бок о бок, в полный рост, к спине спиной,
Когда взорвутся небеса громами,
Зайдётся воем ветер штормовой.

Лицом к лицу с грозящею бедою
На рубеже у бездны на краю
Они, как мы, всегда готовы к бою,
Чтоб выстоять и победить в бою.

Мы только одного боимся горя –
Чтоб вдруг из-за спины, из-за угла
Туда, откуда мы уходим в море,
Пока нас нет, беда бы не пришла.

* * *

Промёрзшие ослепшие дома.
Железные подъезды на запорах.
Безвременье. Обрыдлая зима.
Дурные сны. Пустые разговоры.

Худой карман. Безумные долги.
Сырой сюжет с неведомым исходом...
Нечищеные месяц сапоги.
Туман с утра. Плохой прогноз погоды.

Хандра. Работы воз. Всё ни к чему.
Бездомный пёс. Трамвай. Хамёж в трамвае...
Крутой вестерн ни сердцу, ни уму.
Бессонница. Беззвёздность. Тьма немая.

Холодная одежда февраля:
Дырявое насупленное небо.
Ветра. Полураздетая земля,
В ложбинах припорошенная снегом...

Да Боже мой, в каком ещё краю
Так беспогодье это постоянно!..
И даже странно: я тебя люблю.
И, Господи, я счастлив, как ни странно...

БЕЛЫЙ ВАЛЬС

То ли снег закружил,
то ли дождь заплясал,
То ли скрипка, волнуясь, запела...
Я тогда и ни лет, и ни зим не считал.
А время летело.

Далеко-далеко то ли явь, то ли сон:
Нежно скрипка вздыхала сначала,
А потом горячо задышал саксофон.
Но сердце молчало.

Кто расслышал тогда, или ты, или я,
Что судьба за судьбой потянулась,
Только я поклонился, увидев тебя,
И ты улыбнулась.

Нашуршал, нашептал то ли снег,
то ли дождь
Нам на память средь белого вальса
Обещанье твоё:
«Ты со мной пропадёшь!».
А кто сомневался?..

ВЕТЕРАН

В сквере у аптечного киоска,
О тепле ушедшем не скорбя,
Лета порыжевшие обноски
Осень примеряет на себя.

Старый человек в костюме сером,
Молчаливый, как солдат в строю,
То гуляет медленно по скверу,
То бочком присядет на скамью.

Он уходит тихо ровно в полдень,
И костыль дрожит в его руке,
И алеет каплей крови орден
На потёртом сером пиджаке.

Продавец аптечного киоска,
Глядя уходящему вослед,
Выкурит в раздумье папироску
И киоск закроет на обед.

НИЩИЙ

Все деньки ему — как понедельники:
Посредине города родного
Он сидит в десантном старом тельнике
В двух шагах от пункта призывного.

И неслышно среди шума всякого
В треушок асфальтового цвета
С высоты прохожих редко звякает
Большей частью мелкая монета.

Он глядит вокруг глазами-безднами,
Губы смяв улыбкой виноватой,
В двадцать лет по самый пах обрезанный
Гвардии сержант из-под Герата.

* * *

Я помню, у меня была душа:
Я понимал восторг и знал страданье.
Но вот беда — я форму нарушал,
А всех ли убеждало содержанье?

Вверх по ступенькам, уходящим вниз,
Свой путь соломкой осторожно выстлав,
Я двинулся, пойдя на компромисс
С эпохой всемогущих компромиссов.

И встали предо мной стеной сплошной
И нравственных устоев сторож хмурый,
И шефствующий над моей душой
Культурный орг, и пред номенклатурный.

И знают бесы, кто там встал ещё!
Но вот вопрос — кто их туда поставил?
Не я ли малодушно взял в расчёт
Их душный свод параграфов и правил?

Теперь идут другие времена.
А я хворобой старою болею.
Душа моя... Сумеет ли она
Родиться вновь и снова стать моею?

* * *

По сводкам — переменная погодка
На море и Охотском, и Японском.
А здесь — как будто огненная лодка! –
За мыс Песчаный уплывает солнце.

И в море тонет. И в одно мгновенье,
В палитре дня перемешав отважно,
Меняет краски, запахи и тени
Вечерний час на опустевших пляжах.

А вечер, погасив последний лучик,
Пред ночью отступает незаметно.
И словно в планетарии: ни тучки,
Ни шума волн, ни дуновенья ветра.

Как будто спят земля, вода и воздух.
Лишь чьё-то сердце бьётся одиноко.
И в вышине — мерцающие звёзды.
И в тишине — огни Владивостока.

* * *

Спасители земного мирозданья,
Случайно избежав смертей и плена,
Отцы не тяготились воспитаньем
Нас, первенцев поры послевоенной.

В эпоху исторических напастей
У худеньких детёнышей Победы
Всё было для неслыханного счастья.
Ну, если не считать велосипеда.

А впрочем, кроме Родины и чести
Нам требовалось, в общем-то, немного.
Какие-то совсем простые вещи.
Свой дом. Своя любовь. Своя дорога.

От печки до космической орбиты
Жизнь справедливо расставляла точки,
Брела, летела, делала кульбиты,
На тоненьком весела волосочке.

Не знаем кем, но были мы хранимы,
А про других грядущему расскажет
Молчание развалин Хиросимы
И припятских пустых многоэтажек.

А что до нас — сдают немножко ноги,
Но кто-то дорожит, наверно, нами,
Когда за каждым камнем на дороге
Уже лежит такой же твёрдый камень.

То лес горит,
то дождь кислотный хлещет.
Но вновь спасают нас на свете этом
Какие-то совсем простые вещи.
Ну, если не считать велосипеда.

ДОМ

Если царство разделится
само в себе, не может
устоять царство то; и если
дом разделится сам в себе,
не может устоять дом тот.
От Марка. 3. 24,25.

Живут в одном дому,
А сто забот по дому –
До ночи одному,
До лампочки другому.

Тот пашет по уму,
А этот ждёт получки,
И всяк свою суму
Хранит на всякий случай...

Осев гнилым крыльцом,
Разводом трещин морщась,
Дом спорящих жильцов
Выслушивает молча.

И знается ему:
Судьба расставит вехи
На слёзы одному,
Другому на утехи.

Но, дом пустив на слом,
Им вспоминать в печали,
Какие песни в нём
В былые дни звучали.

Оставив свой приют,
Они, ища где лучше,
Ни старых не споют,
Ни новых не разучат.

1991. СССР

* * *

Мы нынче стали выглядеть нелепо.
А были золотые пацаны.
Мы проросли и выкрепли из пепла
Последней непроигранной войны.

Как ни крути, для нынешних — другие,
Тогдашние мы, что ни говори.
Отцовские медали фронтовые
Дороже нам, чем ордена свои.

А впрочем, мы их редко получали.
За космос. За Даманский. За Афган.
За то, что волны нам венки качали,
Где лодки погружались в океан.

А сделаны мы были не из стали.
Но умереть за Родину могли.
... За что-то нас тогда критиковали
Всё знавшие про нас секретари.

Мы жили под огнём. Огнём держались.
И потому, наверно, он не гас,
Что с критикой не шибко мы считались,
А похвалой не баловали нас.

Мы выдюжили тряскую дорогу,
Перемогли недобрые года.
Уходим мы. Уходим понемногу.
Но мы ещё вернёмся. Навсегда.

* * *

Небесный свод очерчен горизонтом,
И в неисповедимом далеке
Волна, вздохнув о чём-то и о ком-то,
Кипит и умирает на песке.

Ну что же... За волнующимся морем
Ты не была со мною никогда:
Мы на родном прибрежном косогоре
Глядим, как облака спешат туда.

И крыльев нет, и в небе нет преграды
У этих безымянных облаков.
Чем хуже наша высь, и что им надо
У незнакомых чуждых берегов?

Легки, недосягаемы, воздушны,
Как неосуществившиеся сны,
Они плывут, любым ветрам послушны,
А мы уплыть отсюда не вольны.

Допустим, где-то жизнь добрей и проще,
И сахар слаще, и мокрей вода...
Здесь неразлучны будущее с прошлым,
Здесь мы с тобой и с ними — навсегда.

Здесь мы свои и всё навеки наше,
И нам самим себе не надо врать:
Жить на родной земле бывает страшно.
Но на чужой страшнее умирать.

* * *

Флотский экипаж во Владивостоке
находится у заброшенного кладбища.
Исторический факт

Вот здесь, в логу, среди могил забытых —
Не очень-то весёлый антураж –
Когда-то были мне врата открыты,
Ведущие во флотский экипаж.

Вот здесь, где вновь ветра чечётку пляшут,
Ещё морской не видевший волны,
Я примерял матросскую тельняшку,
Мечтая дорасти до старшины.

Такой родной, так странно недоступный,
Почти уже забытый сам собой,
Давно по этим каменным уступам
Прошёл я за неведомой судьбой.

Судьба моя — не то чтобы жестоко
(Не так, чтоб я преодолеть не мог),—
Но повторит рельеф Владивостока,
Изрезанный и вдоль, и поперёк.

Уж многое припомнится едва ли,
Но вдруг забрезжит угольком в золе:
Вот я стою у тумбочки, дневалю...
Вот первый раз шагаю в патруле...

Вот на планшете помечаю цели –
Готовится торпедная стрельба...
Вот... Я уже в отставке. Неужели
Вот это всё и есть — моя судьба?

* * *

Ивану СЛЕПНЁВУ,
моряку и поэту

Простудилось камчатское лето,
Обливаясь холодным дождём.
Над Авачей залётные ветры
По-моряцки легки на подъём.

Сердцем слышу: маня и тревожа,
Ходят волны в крутых берегах.
Узнаю меж случайных прохожих
Всех мужчин, кто служил в моряках.

Различаю по верным приметам
Даже тех, кто полжизни назад
Износил златобуквую ленту,
Бескозырку и чёрный бушлат.

Нет у нас ни наград, ни богатства,
Флот и море остались без нас.
Только наше матросское братство
Никогда не уходит в запас.

И на росстанях дальневосточных,
В океанском размахе стихий
Остаются на службе бессрочной
Наша память и наши стихи.

БАЛЛАДА О ГОДЕ РОЖДЕНИЯ

Вячеславу ПРОТАСОВУ –
другу поэту

Значит, год сорок девятый.
На дворе двадцатый век.
Мы слепые, как котята,
Сладко чмокаем во сне.

Кто в прекрасном штадте Гере,
Кто в глуши Алтайских гор.
Все грядущие потери –
Просто чей-то глупый вздор.

Победившие солдаты
На постах своих стоят.
Пусть не очень-то богата,
Жизнь кругом идёт на лад.

Собрались восток и запад
Никого не обижать.
А иначе мамы-папы
Нас не стали бы рожать.

Ну а кто недобрым часом
Сдуру шибко зашалит,
Офицер Василь Протасов
Мигом пушки расчехлит.

На большой проект «Манхэттен»
Батька мой сказал «Фу сим!» —
Не должно быть безответных
Нагасак и Хиросим.

И в державе всё в порядке:
Неизвестно, там ли, здесь
(Здесь оно, конечно, вряд ли),
Только бомба тоже есть.

Не болтают наши люди,
Но без дела не сидят.
У страны у первой будет
Термоядерный заряд.

Долго нас никто не тронет.
Урожай в полях растёт.

Книг пока не пишет Лёня.
Миша премий не берёт.

Время дышит далью близкой
И, пока мы сладко спим,
Только зыбает Бориску,
Только люлит иже с ним.

Любим мы страну родную,
Наплевав, что там и тут
Нам под музыку чужую
Наши лазари поют.

Что они, набивши брюхо,
Разменяют по рублю
СэСэСэР на эсенгуху,
А Россию на Чечню.

Ведь пока, по крайней мере,
Тихо в мире и в душе.
И Протасов в штадте Гере
Голос пробует уже.

С хлебом скромно. Но по стали
Бьёт страна рекорд не зря.
И какой-то Аллен Даллес
Нам вполне до фонаря.

Сталин жив пока, и значит
Вечно жить ему пока,
И Хрущёв на ближней даче
Смирно рубит гопака.

Всё не то чтобы прекрасно,
Но в тюрьме сидит ворьё,
И про жизнь малец Протасов
Песни первые поёт.

Ни взахлёб не славит этих,
Не несёт по кочкам тех,
Не кричит, что в целом свете
Он, любимый, лучше всех.

А поёт о том, что звёзды
Горним светятся огнём,

Что, ложась порою поздней,
Ранним утром мы встаём.

Нам бы справиться с делами —
Их опять невпроворот;
Если правда наша с нами,
Значит, час её придёт.

...Век прошёл, а песни эти
Нам допеть не довелось.
Ну и что? Тысячелетье
Только-только началось!

* * *

Она ещё жила, моя страна,
в застенках палачей, в плену сексотов
и кровью выводила письмена
в истории и памяти народов,
так неподдельно празднуя свободу,
как будто бы свобода ей дана.

Она путём суровым шла, страна,
и за собой ещё вела кого-то,
сражалась, и с восхода дотемна
трудилась честно до седьмого пота,
и поднимала в небо звездолёты,
не зная, что уже обречена.

Она ещё счастливой стать могла,
но умники, что хуже идиотов,
свершили сперегреву и спьяна
неотмолимый грех переворота –
и нет у нас надежды, нет оплота
на многие, похоже, времена.

И наша в том — немалая — вина.

КОНСТАНТА

Ах, молодость, конечно, глуповата,
И так земной судьбой заведено –
Она уходит в прошлое как плата
За всё, что будет зрелостью дано.

И день за днём, пока мы с вами живы,
Пребудут хороши — не хороши,
Но неизбежны и непостижимы
Метаморфозы тела и души.

Проспится пьяный. Робкий осмелеет.
И незнакомый станет вам знаком.
Но с возрастом дурак не поумнеет,
А сделается старым дураком.

* * *

Я приехал с Балтийского флота
И живу у залива Петра.
Иногда я хожу на работу.
Иногда я болею с утра.

Иногда мне взгрустнётся немного
На просторе любимой страны:
Погляжу я — родные дороги
На четыре лежат стороны.

Всё, как есть, мне до смертушки мило,
Хоть поныне узнать я не смог,
Что ещё мне ниспослано было,
Кроме этих разбитых дорог.

И, котомку собрав побыстрее,
Повидав и родных, и друзей,
Я, почти ни о чём не жалея,
Побреду по дороге своей.

Завершая её одиноко,
Я пройду за последней зарёй
Самой доброй и самой жестокой,
Самой близкой на свете землёй.

ВОСПОМИНАНИЯ О КАВКАЗЕ

1
Запомнились дорога и река,
Сквозняк ущелья, холодивший спину.
Паслись на гордых кручах облака.
Молчали знаменитые вершины.

Я уходил. Но думал, что вернусь
И не приму доступности подножий.
Когда-нибудь к себе я стану строже –
Когда-нибудь я выше поднимусь!

Идут года в обычной суете.
«Ещё успею!» — я твержу отважно.
Но трудно возвратиться к высоте,
Перед которой отступил однажды.

2
Обрывки мыслей в старой записной
Уже не поддаются расшифровке.
Кавказ. Ущелье. Я на самой бровке
Скалы. И памяти.
И — пропасть предо мной.
Итак, Кавказ. И поздняя весна.
А может, осень ранняя. Не помню.

Прохладный вечер. Или тёплый полдень.
Не жарко, в общем. Аромат вина.
А может, запах дыма от мангала...
Итак — ущелье. Кажется, Чегем.
Наверное, шашлык. Возможно, ем...
Туман. Густой. Сползает с перевала.
Итак — шашлык. Скорей всего, двойной.
Конечно, ем. Тогда он был дешёвый.
Гляжу вокруг. Хочу приехать снова.
Добро бы — с сыновьями и женой.
Кавказ. Кавказ! Мне хочется запеть...
Давно когда-то. Я стою над кручей.
Туман. Быть может, облако. Иль туча.
И дальше — ничего не разглядеть...

1983 — ...

* * *

Три часа до Читы.
Три часа моего нетерпенья.
Браво, Аэрофлот!
Я спускаюсь по трапу с небес.
Ах, друзья забайкальцы!
Пред вами моё появленье
Я и сам причисляю к разряду
великих чудес.

Бухгалтерия жизни
отпустит мгновение встречи,
Закрепив как печатью
прощальным пожатием рук.
Мир — заложник дороги.
А нрав у неё переменчив.
Наши души проходят
по ведомству старых разлук.

Мы слегка припоздали
в остроги Сибири кандальной,
С солдатнёй ренненкампфовой мы
разминулись чуть-чуть

И с Московского тракта
этапом России опальной
Мы в бараки ГУЛАГа
едва не успели шагнуть.

Миновалось ли всё,
что тиранило отчину нашу?
Мрак своих межусобиц страшней
чужеземной орды.
Бог, похоже, не свят,
если сделался дьявол не страшен.
От войны до войны мы живём,
от беды до беды.

А пожить бы вот так —
от недолгой разлуки до встречи
И костёр запалить
над хорошей рекой Ингодой.
И забыть суету.
И немного подумать о вечном.
И старинные песни попеть
над текучей водой...

Ах, друзья забайкальцы!
Мы дети державных скитаний.
Мы бездомные люди... Но наша ли
в этом вина?
Загоняли свободу
в сибирские тмутаракани,
И отсюда в Россию свобода
вернуться должна.

* * *

На родимой земле,
на песке и золе,
я живу — не могу
на чужом берегу.

Здесь чужие огни
не согреют меня,
здесь друзья не мои
и родня не моя.

То ли снег, то ли дождь,
то ль сердечная дрожь –
и налево пойдёшь,
и направо пойдёшь.

От Торжка до Шумшу,
от Оки до Амгу
ничего не прошу,
никуда не бегу.

Летний день употел —
катит солнечный круг.
Чёрный шмель пролетел
на ромашковый луг.

Над дорогой пустой
склоны сопок горят,
дорогой, золотой
примеряя наряд.

И зима за селом
снова стелет постель.
Волчий вой за окном
или в поле метель?

А весна в кураже
сбросит шарф и пальто...
Нет, отсюда уже –
никогда, ни за что!..

* * *

Геннадию ТУРМОВУ

Россия! Меж сонных погостов
По вечным степям и лесам
Живут мои братья и сёстры
И смотрят в Твои небеса.

Идёшь Ты от самых истоков
Как будто бурлак бечевой.
О как высока и жестока
Судьба Твоя, Боже ты мой!

Россия! Длинны Твои вёрсты,
Неисповедимы пути.
Скажи: мои братья и сёстры –
Не Ты ли сама во плоти?

И счастья нам нет, и покоя.
Лишь в сердце сжигающий свет
И что-то родное такое,
Чему объяснения нет.

БАЛЛАДА
О ДВУХВЁСЕЛЬНОЙ ЛОДКЕ

Куём мы счастия ключи...
Старая песня

В плавнях лодочка наша, прогнив, утонула.
И уключин ковать поумневший Вакула
Не берётся, как прежде случалось, за так.
Два ненужных весла снесены на чердак
И забыли, как лодочка наша когда-то
Раздвигала камыш и неслась франтовато
Поперёк обтекающей штевень волны.
Были молоды мы, и дерзки, и сильны,
И уверенно каждый держали весло.
Всё быстрей нашу лодку теченье несло,
Но умели и мы настоять на своём
И доподлинно знали, что мы доплывём,
Догребём точно в срок
                или несколько раньше
Вон до тех островов,
                даже, может быть, дальше.
И потом, не считая какую-то малость,
Нам сто раз не такое ещё удавалось.
Мы тогда и представить себе не могли,
Что сгниёт наша лодка на мутной мели,

И над нею камыш изогнётся сутуло,
И кузнечное дело забудет Вакула,
И в прибрежном селе удалые ребята
Знать не будут, что мы
догребали когда-то
К островам, где они порыбачили
с толком
Этим летом, доплыв
на соседской моторке...
Та моторка сломалась, её экипажу
Почему-то никто не сочувствует даже.
А кузнец, если есть,
злой горилки напьётся
И боится, уснув, что уже не проснётся.

КУПАЛЬЩИЦА

СВЕТЛАНЕ

Даль растворялась в знойной дымке,
Катилось лето под уклон,
И море с берегом в обнимку
Лежало, погрузившись в сон.

Я пребывал в глубокой неге,
Оставив долгие труды.
Вдруг, как звезда в беззвёздном небе,
Она возникла из воды.

Я замер, красотой убитый:
Хоть в ад с такою, хоть в эдем!
Она была бы Афродитой,
Да пены не было совсем.

Без преднамеренной охоты
Она весь мир могла привлечь
Изящным шеи поворотом,
Изгибом загорелых плеч...

Она прошла по краю пляжа,
Вселенской тайною маня,
И мимолётным взглядом даже
Не удостоила меня.

Прошла, как ветра дуновенье,
Прошла, растаяв вдалеке,
Оставшись в памяти мгновенья
Цепочкой следа на песке...

Зачем напомнила она мне
На этом сонном берегу
О чём-то трепетном и давнем,
Чего вернуть я не могу?

* * *

Росла бы, да ночью остужной
Поникла трава, полегла.
И стала бы облаком лужа,
Но вот — не хватает тепла.

А солнцу не высушить даже
Рыбацкую тонкую сеть
И влажный песочек на пляже,
Увы, до весны не согреть.

И улица Шкипера Гека
Цветные этюды листвы
На чёрную графику веток
Уже поменяла, увы.

И катится далью разлучной
Последний рассерженный гром,
И небо свинцовою тучей
Плывёт над Орлиным Гнездом.

Прогнозы погоды всё хуже.
Всё гуще вечерняя мгла.
Сосед-ветеран занедужил.
Осенние, в общем, дела.

И вот уже рейд неподвижен:
К причалам прижались суда.
И бьётся о стены и крыши,
И хлещется оземь вода.

Недолго до первого снега.
И носятся ночью и днём
По улице Шкипера Гека
Ветра под прощальным дождём.

КОРАБЛЬ УХОДИТ

Давно знакомой мне дорогой
На взлёте молодого дня
Корабль из Золотого Рога
Уходит в море без меня.

Я чай на кухне пью беспечно.
Я книжку с полочки беру...
А флаг на гафеле трепещет!
А вымпел бьётся на ветру!

Уже читать — неинтересно...
Я вижу молодость мою:
Досмертно дорогую песню
Я первый раз пою в строю.

Вновь — в свете памяти подробной –
Я, от усердья потный весь,
Хрустя матросской новой робой,
Скребком вгрызаюсь в ватервейс.

Морские строгие науки...
Мозоли свежие кровят...
Из-под скребка, впиваясь в руки,
Осколки ржавые летят.

Я суриком шпигаты мажу,
А по земле идёт весна,
И за моим движеньем каждым
Ревниво смотрит старшина.

И, двадцати годов от роду,
Пока ещё здоров и жив –
Готовый и в огонь, и в воду —
Весенний, майский мой призыв...

* * *

Закат ли прощально горит,
Рассвет ли привет посылает,
Под всполохом новой зари
Пылится дорога былая.

Была ль каменистою сплошь,
Легко ли навстречу бежала,
Ты больше по ней не пройдёшь
Уже ни с конца, ни с начала.

А время торопит вперёд –
Едва по одной продерёшься,
Другая дорога зовёт.
Пойдёшь и назад не вернёшься.

Дымится степная, пыля.
Прохладою веет лесная...
Земная дорога твоя
Обратной дороги не знает.

Но, как ни кружи, ни верти
По стёжкам, по тропкам, по шпалам,
Так здорово дальше идти
И так хорошо на привалах.

* * *

Когда на рубежи державы
Придёт закатная пора,
Когда в вечерних тёплых травах
Уснут горячие ветра –
Вдали от города большого,
От суеты людской вдали
Невыразимо смертным словом
Спокойствие родной земли.

Пока ещё не всплыли звёзды
И светел неба синий зонт –
Так ясен, чист, прозрачен воздух
И так отчётлив горизонт!
И обретают внятный голос
И дали все, и времена.
О прорастает добрый колос
Из молчаливого зерна.

* * *

Не знали мы путей и поворотов,
Которые готовит нам судьба.
Однако к жизни нас готовил кто-то,
Изведавший, что жизнь — всегда борьба.

Батьки, её хлебнувшие на фронте,
И мамы, перемогшие в тылу,
Когда могли бы фору дать Джоконде,
С улыбками танцуя на балу.

Но их на бал ни в годы молодые,
Ни в старые судьба не позвала.
Их ждали заводские проходные,
Заместо мужиков земля ждала.

И мамы в поле сеяли и жали,
В цехах бессонных гнулись у станков.
Но не сгибались под бедой и ждали
С войны отцов, мужей и женихов.

Кто жив остался, праздновал Победу.
Но не минуло и полсотни лет,
Вдруг стали изменять отцам и дедам
Наследники великих их побед.

И это было даже не обидно,
Не по-дурацки глупо и смешно,
А дико незаслуженно и стыдно,
Как быть на белом свете не должно.

В условиях глобального прогресса
Посредством плюрализмов и свобод
Мы заразились шкурным интересом,
Врагам былым заглядывая в рот.

Мы в гибельную впали амнезию,
Забыв, что жизнь земная — вечный бой.
Но прежде, чем бороться за Россию,
Бороться надо нам самим с собой.

Бороться не с природой, не друг с другом –
Бороться до последних самых дней
С незнаньем, ленью, страхом и испугом,
С завистливостью, с жадностью своей.

Без перемирий и без перерывов –
За всё, на чём от века мы стоим –
Бороться будем — значит, будем живы.
А коли будем живы — победим.

НЕНАПИСАННЫЕ ПИСЬМА

Над заливом Петра маяков
за туманом не видно.
На Светланской тампоны для дам продаёт...
военторг.
Мне уже не доплыть до тебя,
Золотая Таврида,
Мне уже не бродить по аллеям твоим,
Кадриорг.

Лиепайский причал
кораблями моими оставлен.
Комнатушка моя
на Гвардейском пошла с молотка.
И как Куба свободный,
как Ванино сумрачный Таллин
Незнакомые флаги под серые взвил облака.

Знать, на память и правду
земля моя вдруг оскудела,
И дурной повиликой дороги её поросли...
И шумит Кадриорг
над аллеей пустой очумело.
И над старым раскопом
Таврида струит ковыли.

Под забором Фороса
земля суверенная млеет.
Там теперь загорает другого народа слуга.
Я жалею его. Жаль, что он
никого не жалеет.
Жаль хорошего друга менять
на плохого врага.

О, как солнце палит!
Что ему заплатить за услугу?..
Беловежская пуща...
Горят между нами мосты...
Что же я напишу
стародавнему флотскому другу
В город Санкт-Петербург и сестрёнке
в аыл Алматы...

1993

ШЕВАРДИНСКИЙ РЕДУТ

Былина нового времени

Мы-то думали: всё! Наши мирные будни
Мы навек защитили в учебном бою...
Только вот он опять, гром тяжёлых орудий,
Вновь смертельную песнь автоматы поют.

Мы-то думали: всё! К нам беда не вернётся,
И войска боевых не узнают потерь...
Но в дыму почернело афганское солнце:
Рядовой, ты не станешь
сержантом теперь...

Мы-то думали: всё!
Жатву смерти собрали, —
Под Берлином война отступилась от нас...
Борони тебя Боже, сынок, новобранец,
Вдруг в ослепший прицел
вновь увидеть Кавказ!

Мы-то думали: всё! Без военных пожаров
На парадах отслужит гвардейский десант.
Но куда занесло тебя, прапорщик старый?
Но куда ты попал, молодой лейтенант?!

Мы-то думали: всё! Наши братья-славяне
Нас во веки веков не оставят в беде...
Смыта русская кровь
на камнях в Инкермане,
Растворилась как соль
в черноморской воде...

Знать, святыни отцов
чьим-то деткам не святы.
Нас опять убивают. Только всех не убьют.
Есть Россия у нас. Есть в России солдаты.
Есть у каждого свой Шевардинский редут.

Зря ли тысячу лет собиралась Держава?
Вновь дотянется Китеж до неба крестом,
И найдёт свой Царьград
гордый внук Святослава
И глухие врата увенчает щитом.

* * *

Ну, здравствуй, Севастополь!
Здравствуй, Крым!
Уже казалось — никакого смысла
Писать сюда отчаянные письма.
Но вот они пришли к друзьям моим!

Да, Боже мой, я сам у них в гостях!
И русский флаг
на всех флагштоках реет.
И глупую разлуку нам простят
Матросы Тридцать пятой батареи.

О, как спокойно на Сапун-горе,
Как тихо на Малаховом кургане,
Где память наша в хрупкой тишине
Подобна боли в незажившей ране.

Ну, здравствуй, Севастополь.
Помни, Крым.
Живи, живи и помни, Балаклава,
Былых сражений неостывший дым,
Свою судьбу, овеянную славой.

Будь, Херсонес!
Поклон тебе, Джанкой!
Спасибо вам за пиво с барабolькой.
Теперь прощаться с вами
мне не горько.
Обнимемся. Мне ехать далеко.

2015

ВЛАДИВОСТОК

Прощальный взмах натруженной руки
Над палубой, и — уплывают годы.
Владивосток, мы оба моряки –
Мы видывали всякие погоды.

Взрывает шторм ночную тишину.
Свет маяков твоих едва приметен.
Залив Амурский раскачал волну.
И ветер в окна — сумасшедший ветер!

Нам вновь и вновь не спать глухих ночей
Хоть сотню лет, хоть сто столетий кряду,
Пока в бесстрашной памяти твоей
Смердят дымами крейсера микадо.

И целью встречной курс пересечён,
И в сторону рванул попутчик нервный...
Владивосток, твой недруг обречён,
Но ты вовеки не ударишь первым.

Владивосток! С тебя особый спрос.
Не прогляди ни встречных, ни попутных,
Вперёдсмотрящий марсовый матрос
На корабле, всегда идущем в утро!

РОДНЯ

Меж вековых противоречий
И повседневной суетни
Судьба нечасто дарит встречи
В кругу родни.

Вот чей-то шаг тяжёлый слышен
И скрип щелястого крыльца.
Вошёл. И пот пилоткой рыжей
Отёр с лица.

А кто-то саблю бросил в ножны,
Поставил к верее коня,
Перешагнул через порожек
И — кивер снял.

И следом родич самый родный
Протиснулся в дверной проём.
И попросил воды холодной.
И снял шелом.

И дверь, и души нараспашку.
В сенях на полочке одной –
Моя моряцкая фуражка
И шлем стальной.

* * *

На берегу пустынных волн...
А.С. Пушкин.

На берегу пустынных волн
Уже не тот простор былинный:
И густо берег заселён,
И волны больше не пустынны.

Но братиною вековой
Мы пьём живительные соки:
Наследники Руси святой
Полны, как прежде, дум высоких.

Неистребимы шум дубрав,
Упругость ветра в скифском поле;
В мерцанье звёзд, в волненье трав
Жив русский бог — покой и воля.

Прут идолы за ним толпой –
Приплясывая, корча рожи,—
Как враны, схожи меж собой.
А он — лишь на себя похожий.

Его непознанная суть
Тверда и целеустремлённа:
За ним — тысячелетний путь,
Уже никем не превзойдённый.

Что он теперь изжил своё,
Что телом обнищал и духом –
Всего лишь глупое враньё
И злонамеренные слухи.

Ему немножко отдохнуть
И раны поприжечь местами –
Он только выпрямится чуть
И вновь плечом до звёзд достанет.

* * *

Из забытого сна, из-под замети лет,
из-под спуда
Возвратиться к началу,
где первый шажок совершён.
К обманувшей весне.
К безутешной разлуке, откуда
Ты, всю жизнь от себя уходя, далеко не ушёл...

Дорогие мои! Дорогой мой! Моя дорогая!
Что мы завтра узнаем, чего мы не знали вчера?
Те же звёзды ночами всё там же
всё так же сгорают,
То же старое солнце слепит
в том же небе с утра.

Разве кто-нибудь где-то не знает,
что кровь не водица?
Разве русская кровь как водица
не льётся сейчас?
То ли белая вновь,
то ли красная конница мчится,
И лежит за «максимом» в тачаночке
кто-то из нас.

Дорогая моя... дорогой мой...
мои дорогие...
Может, в лаве, летящей
под нашим умелым огнём,
Скачет Русь, сжав до боли в ладонях
поводья тугие...
Если Русь упадёт из седла, то и мы упадём.

День за днём здесь и там,
век за веком не с нами и с нами
Всё, что было и не было нашим —
не станет чужим...
Севастопольский рейд,
Петропавловский порт с кораблями
На флагштоках и мачтах
с Андреевским флагом седым...

Дорогие мои, дорогая моя, дорогой мой!
Наши горькие беды и вины, дела и слова
Будет честное время хранить,
как патроны в обойме,
Отпустив нам грехи,
если будет Отчизна жива...

* * *

Живёте вы далёко,
Старинные друзья.
Без вас мне одиноко,
А к вам никак нельзя.

Вы помните, конечно,
Оставленную даль,
Рельеф и климат здешний
Забыли вы едва ль.

Летели год за годом,
Мы с вами вместе шли
У самого восхода
На краешке земли.

Теперь, уехав в Питер
От нашенских тревог,
Наверно, говорите:
«Родной Владивосток».

Да он родной, чего там.
Но жаль, что отпустил
Друзей моих по флоту
И братьев по Руси.

Люблю вас, так и знайте,
Но от души прошу:
Вы шибко не ругайте,
Что писем не пишу.

Ну, в общем, натурально,
Без всяческих помех
Живу я тут нормально,
Почти что лучше всех.

Есть у Владивостока
Всего одна беда:
Что вы теперь далёко,
Что это — навсегда.

* * *

Отставник, я от службы свободен
И для жизни, скажу напрямик,
Стал теперь ограниченно годен,
Хоть в душе до сих пор призывник.

Если, слышный до самых окраин
От вошедшего в порт корабля,
Горн матросам зарю заиграет –
Он играет её для меня.

Если с палубы в воду и сходу –
Точно громом по берегу бьёт! –
Атакует морская пехота,
Я молюсь за победу её.

А поднимутся ввысь самолёты,
Я за далью морей и земель
От души пожелаю пилотам
Своевременно выйти на цель.

И поют мне бессонные волны,
И вздыхает протяжно прибой
И о тех, кто меня ещё помнит,
И о тех, кто простился со мной.

Словно палуба, небо качалось
Под раскаты штормов и тревог.
Что осталось со мной, что осталось
От недавних и давних дорог?

Только дедовский домик с овином,
И просёлок, и пыль да трава,
Только музыка маршей старинных,
Только песен любимых слова.

А в краю, где плакучая ива
Что-то шепчет вдогонку ему,
Лейтенант молодой и красивый
По просёлку спешит моему.

ПЕРЕПРАВА

Здесь память не оставил
Геройский генерал,
Об этой переправе
И классик не писал.

По Золотому Рогу
Чуть-чуть наискосок
Пыхтит, кренясь немного,
Знакомый катерок.

Вращается локатор,
Хоть проку в этом нет.
Глядит в иллюминатор
Задумчивый сосед.

Картиночки... Фрагменты...
Коротенький маршрут.
До Мальцевской от центра
Лишь несколько минут.

Сосед неприveредлив:
Пусть будет всё, как есть.
Кому-то рейс последний –
Кому-то первый рейс.

По Золотому Рогу
Чуть-чуть наискосок
Бежит, кренясь немного,
Знакомый катерок...

* * *

Третий класс «проходил» Маршака,
А мальчишка сопел «на Камчатке»
И опять рисовал моряка
На последней странице тетрадки.

У матроса решительный взгляд;
Как живые, хоть трогай руками,
С бескозырки летят на бушлат
Пара вьющихся лент с якорьками.

Степь и горы смотрели в окно,
Что в тетрадке у мальчика выйдет...
Океан... Разве только в кино
Третий класс его изредка видел.

Третий класс — он на шутки мастак,
И мальчишке, болевшем морями,
Говорили: «Моряк с печки бряк!»
Даже те, кто считались друзьями.

Он терпел от звонка до звонка,
И домой возвращался, и дома
Акварелью писал моряка
На странице большого альбома...

Флотский кортик и старый альбом,
Песнь про море, любовь и разлуку
Старый мичман подарит потом
Своему третьекласснику-внуку.

* * *

Растянута по леску,
Оржавленная слегка,
От столбика к столбику
Колючая проволока.

Грохочет вдали прибой,
На ночь нагоняя страх.
За проволокой часовой,
Как водится, на часах.

А ветер свистит бичом.
Но к ветру моряк привык.
Над правым плечом лучом
С луною играет штык.

От холода руки жжёт,
Да не разведёшь огня.
А дома девчонка ждёт,
Скучает до слёз родня.

Там Запад, а здесь Восток –
Окраинная земля.
Крик птицы ночной. Гудок
Далёкого корабля.

И голос того гудка,
Слабеющий на лету
От моря до моряка,
Стоящего на посту.

У БОСФОРА ВОСТОЧНОГО

Евгению НАЗДРАТЕНКО,
служившему на Тихоокеанском флоте

Когда на улицах московских
Стучат ночные каблуки,
У нас на баках, ютах, рострах
«Медяшку» драют моряки.

Туманом утренним клубится
Петра Великого залив.
Встаёт Владивосток, столицу
На семь часов опередив.

С утра у нас одна забота,
Один пожизненный аврал:
Чтоб горн над кораблями флота
Играл и флаги поднимал.

Чтоб жили эти долы, горы
И сихотэ-алиньский лес;
И вод Восточного Босфора
Не замутил бы мелкий бес.

И докерские «вира-майна»
Не затихали ни на час,
И синий высверк дуг трамвайных
Ни днём, ни по ночам не гас.

Дыша отеческим простором
Над океанскою волной,
Стоим у русского Босфора –
Вся Россия за спиной.

ВЕТЕР

Он вёл себя довольно странно –
Я понимал его с трудом:
Зачем он свищет с океана,
Когда мы в океан идём?
Зачем, выстуживая души,
Лишь повернём в обратный путь,
Вчера стремившийся на сушу,
Он в море начинает дуть?
А то, как пьяненький приятель,
Едва ступали на причал,
В прекраснодушные объятья
Он всех нас плавно заключал...
И долго было мне секретом,
И трудно открывалось мне,
Что два совсем различных ветра
Есть на морях и на земле.
Я каждого из них приметил
И разглядел, в конце концов,
Что льнёт к спине — противный ветер,
Попутный ветер — бьёт в лицо.

* * *

Какой буран свалился в марте,
Какой снежище — обалдеть!
Мой город разве что на карте
Возможно было разглядеть.

И ничего не оставалось,
Как только, сидя у окна,
Испытывать сплошную жалость,
Что терпит бедствие весна;

И сквозь стекло двойное слушать
Плач вьюги, неутешный столь,
Что слёзы наполняли душу
И сердце стискивала боль;

И сколько непогоде длиться,
Не знать, но убеждать себя
Не злиться всё же, а дивиться
На возвращенье февраля;

И чувствовать светло и сильно
В глубинах сердца своего
С любым бураном над Россией
Тысячелетнее родство.

* * *

Как я живу? Кому какое дело?
Мы все смешно и суетно живём,
Пока нас общей болью не задело,
Не опалило мировым огнём.

И не по мне зайдётся Лада плачем,
Коль был — не люб
и сгинул — бестолков.
Мы в этой жизни
только
то
и значим,
Кем стали для друзей и для врагов.

* * *

Валентину КУРБАТОВУ,
старшему матросу
Северного флота

Кажется, что нету жизни –
Умер даже птичий свист.
Мокнет крестик на карнизе –
Золотой кленовый лист.

За окном — родного взгорья
Бледно-серое панно,
Но туманом с синя моря
Занавешено оно.

За окном — озноб залива,
Дальше — Тихий океан:
И не видно перспективы,
И расплывчат первый план.

За окном готовит вьюгу
Мутный вечер ноября.
Улететь бы птицей к другу!..
Грустно, проще говоря.

За окном — одна морока.
У причала спит паром.
Сыро. Сиро. Одиноко.
Просто — осень за окном.

Просто неподвижной мглою
Занавешено оно.
Просто живы мы с тобою,
Да не виделись давно.

* * *

...не пойму –
куда несёт нас рок событий.
Сергей Есенин.
«Письмо в женщине»

Ручей путём извилистым и длинным
Сквозь тьму лесную выбегал на свет.
С безлюдных гор текла река в долину
И русла не меняла тыщу лет.

И дождичками землю поливало.
И зной палил. А птицы — пели в лад.
А солнце — заходило и вставало,
И расцветал и плодоносил сад.

Нам оставалось в том саду копаться
И разжигать костры невдалеке,
Дышать и думать, плакать и смеяться,
Жить у реки и плавать по реке.

Всё приключалось вовремя и кстати,
Всё делалось надолго и всерьёз...
Нас разнесло, как плот на перекате,
Разбило, словно лодку об утёс.

Куда, родная, рок событий мчится,
Какой там перегон и перелёт?
Что завтра может к вечеру случиться
И послезавтра днём произойдёт?

Мы снова остаёмся без ответа
И маемся у времени в долгу.
И отражает медленная Лета
Огни на том и этом берегу...

МОНОЛОГ НЕИЗВЕСТНОГО

Я это право вынянчил судьбой,
Я, бывший то изгоем, то паяцем,
Сегодня становлюсь самим собой:
Мой час пришёл, мне нечего бояться.

Я столько лет в себе себя хранил,
Лечил молчанье горестным раздумьем.
Хранил... А если... Если — хоронил
И трусость величал благоразумьем?!

Что если сам собой обманут я,
Мой полис страховой —
фальшивый полис?
А совесть безутешная моя –
Не слишком ли сговорчивая совесть?..

1991

ТАМОЖНЯ

Унылы пажити и пожни
Среди отеческих равнин,
И щурится на мир таможня,
Наш порубежный паладин.

За службу верную награда –
Фуражка в межевой пыли.
Таможня — ржавчинка с оклада
Державной некогда земли.

Она ещё каким-то чудом
Брест и Корсаков единит.
Она ещё видна оттуда
И здесь почти строга на вид.

Но что-то происходит возле,
И над, и под, и в ней самой –
Как будто из России воздух
Течёт без визы выездной.

И с неожиданной сноровкой
Всем, чем вчера была славна,
Как дура баба на Хитровке,
Торгует бывшая страна.

1991

* * *

Припрятав комсомольский чуб
под кепкой хулиганской,
Пиджак у друга одолжив
и кинув за плечо,
Мы в несносимых кирзачах
шли в школу и на танцы,
Смотрели про войну кино
и знали, что почём.

Пальто с отцовского плеча
считали мы обновой,
И в самом лютом январе
не замерзал никто.
Мы были в бедности своей
сродни шпане дворовой,
Но понимали, что почём,
что дело не в пальто.

В энцефалитках и плащах,
помятых и прожжённых
Горячим пеплом сигарет
и искрами костров,
Мы не годились с юных лет
ни в денди, ни в пижоны,

Но понимали, что почём,
без всяких дураков.

Неважно было, кто во что
обутый и одетый,
Чей слаще сад и огород,
богаче стол и дом.
Зима зимой, весна весной,
а лето было летом.
Мы понимали, что почём
и ведали о том,

Как будем жить и с кем дружить,
когда мы станем старше,
Какой дорогой и куда
мы по земле пойдём,
И что держали в голове,
хранили в сердце нашем,
И кто мы есть, и кто есть кто,
и, в целом, что почём.

* * *

Когда бы я прожил ещё лет сто
И написал роман в стихах, как Пушкин,—
Пускай бы не читал его никто
От Бреста и Анадыря до Кушки.

Но, может быть, в моём родном краю,
Вдруг в одночасье ставшем заграницей,
Я мог бы вновь услышать, как поют
Беды моей не знающие птицы.

И, может статься, риддерский поэт
Успел бы без особенной причины
Мне передать с залётными привет,
Спасающий в разлуке от кручины.

Да в Риддере моём опять беда.
Мне с родины уже не ждать привета.
Мой друг её покинул навсегда.
Там жить недолго русскому поэту.

И кажется: темнеет белый свет,
И мир земной, как никогда, недужен.
Молчит Алтай. Молчит мой друг поэт.
А мне без них ста лет не больно нужно.

* * *

Не надо слов пустых и непустых не надо.
До нас давным-давно всё сказано уже.
Вновь снегопад падёт
вослед за листопадом,
Замерзнет в лёд вода, забытая в ковше,
Который был забыт у входа на веранду
На даче у друзей, забитой до весны.
Не надо слов пустых и не пустых не надо.
Все наши СМС до точки прочтены
И стёрты без труда
всего в одно мгновенье,
Чтоб память не грузить всем тем,
что было в ней,
О чём забудем мы без тени сожаленья,
Но будем сожалеть до тех далёких дней,
Которые от нас, красивых и весёлых,
Уже давным-давно не так уж далеки.
Вот-вот засыплет снег бегущий вдаль
просёлок
И луг, где пел ручей, и жили васильки,
Где мы срывали их на свежие букеты,
Когда хотели их кому-то подарить,
Забывшим, может быть,
давным-давно об этом,

И помнящим всю жизнь
об этом, может быть.
Не надо слов, слова
не очень много значат,
Мы и без них давно
всё знаем наперёд.
Растает лёд в ковше,
и на веранде дачной
Всё то, что не прошло,
вот-вот уже пройдёт.

* * *

В гулком объёме квартала
Копится снулая мгла.
Осень вконец промотала
Поздний остаток тепла.

Сквозь похудевшие ветки
Низкие тучи видны.
Стонам знобящего ветра
Не заглушить тишины.

Тягостно сердцу молчанье,
Но бесполезны слова,
Если во всём мирозданье
Пооблетела листва.

Только припомнишь невольно
Шаг строевой на плацу –
Так отрезвляюще больно
Ветер хлестнёт по лицу.

...Тяжесть волны непокорной.
Скорый подъём якорей.
Близость хорошего шторма.
Грянул бы он поскорей!

* * *

Лечебная, как мумиё алтайское,
Универсальна, как платформа танка,
Родная речь, ты стала иностранкой,
Как перевод с санскрита и китайского.

Ещё недавно ты была хозяйкою
Добролюбивых дружеских застолий,
И жизнь твоей произносилась волей,
Звучала сказом и смеялась байкою.

Родная речь, ты словно в ссылку выслана,
Как в скит ушла, не принимая боя,
Но словарей чужих не взяв с собою,
Ты знаешь, кем и для чего написанных.

Каким больным умом и злом невиданным
Твой путь в ночи безмолвья напророчен?
Таись, пока рассвет не сменит ночи,
Молчи до срока, мы тебя не выдадим.

Родная речь, пока по-русски пишем мы,
Не станет белый свет глухим и сирым.
Спасение Господь подарит миру –
Твоё молчанье будет Им услышано.

* * *

Где камень, сон-травой повитый,
Как доля русская, тяжёл,
По-над рекой в тени ракиты
Нам Бог послал и кров, и стол.

Мой верный друг, мы взяли с бою
Минуту отдыха себе.
Давай обнимемся с тобою,
Давай доверимся судьбе.

Давай шелом с кольчугой снимем,
Положим под ноги копьё.
Ты мне своё напомни имя,
Я назову тебе своё.

Вдохни, родимый, полной грудью,
На камень рядышком присядь.
О ком с тобой мы плакать будем,
О чём со смехом вспоминать?

Быть может, ночью непроглядной,
А может быть, пресветлым днём
У Волги или у Непрядвы
Мы шли по берегу вдвоём.

Вечерней зорькой, утром хмурым,
Не зная участи своей,
Над Бугом или над Амуром
Седлали мы своих коней.

Земля стонала под ногами,
А небо падало во тьму,
Клубился чёрный дым над нами,
И вились вороны в дыму.

Вздымался меч. Стрела летела.
Катились громы по степи...
О, как потом нам спать хотелось!
Приляг теперь, мой друг, поспи.

Кто снова к нам придёт, откуда —
Когда бы знать наверняка...
Давай, земляк, я спать не буду.
А ты поспи, земляк, пока.

Пока не слышен топ копытный,
И к нам ещё скакать врагу,
Поспи чуток в тени ракитной,
А я твой сон постерегу.

Быть может, вечером не поздним,
Быть может, рано поутру
Не упадёшь ты в сече грозной,
И я до смерти не умру.

Ещё мы в танке не горели,
Ещё, забыв про нашу смерть,
Мы не смогли и не успели,
Что смочь придётся и успеть.

* * *

И не в мечтах, и не во сне –
Себе не верю! —
Он приближается ко мне,
Родимый берег.

Он весь в сияющих огнях –
Как на ладони.
Он столько зим и лет меня
И ждал, и помнил.

Но бег земных счастливых дней
Не бесконечен.
Я говорю земле моей:
— До скорой встречи!

Вновь на пути растёт туман
Из пенных кружев.
Куда впадает океан?
В морскую душу.

Судьба распутывает нить
Моей дороги.
Ещё не время подводить
Её итоги.

Вглядевшись в даль, в туман, во тьму
С надеждой древней,
Я неожиданно пойму,
Что вижу землю.

Вершин холодных синева
На заднем плане.
На подступах — вода, трава,
Песок да камень.

И чётко виден первый план:
Преград не зная,
Уже впадает в океан
Душа морская.

* * *

Этот дождь — про тебя.
О тебе нежный плач водостока,
И у кромки асфальта
бессонная песня ручья,
И тоска ночника,
что мерцает в ночи одиноко
За окном, где со мной о тебе
наши двери молчат.

В этом долгом молчанье
горячо от сердечного стука,
А душа замирает,
как будто кончается жизнь.
Эта жизнь — для любви.
А ещё — для дождя и разлуки.
Вот и дождь, и разлука
у нашего крова сошлись.

Безутешный прогноз
нам нескорую встречу пророчит.
В Алматы полон зал ожидания —
негде присесть.

Снова фронт грозовой
провоюет три дня и три ночи.
Снова будет отложен
три раза задержанный рейс.

Дождь устал от дождя.
От разлуки разлука устала.
А грозе всенебесной давно надоела гроза.
От Залива Петра
до продрогших хребтов Алатау
Даже ночи, и той добираться четыре часа.

И опять на разлуку одну
мы становимся старше.
И опять утешаем себя:
всё когда-то пройдёт,
Но сначала засветится утро
на родине нашей,
И рассеются тучи,
и ты полетишь на восход.

* * *

Дрейфуют айсберги и льдины;
Дожди идут, летят снега;
Есть рифы, мели и глубины;
Заливы, бухты, берега;

Есть свист безумный урагана;
Есть сумасшедшая волна...
Нет высоты у океана,
Но есть у моряков она.

Через шторма зимой и летом,
Мечтая о родной земле,
Мы к высоте заветной этой
Шли день и ночь на корабле.

Мы долго, трудно шли, и мрачным
Порой казался белый свет,
Но был высоким флаг на мачте.
Был экипаж на высоте.

И нам ещё давалось право
Безоговорочно иметь
На всех один закон подплава –
Одну победу или смерть.

Все вместе лодку обживая,
И каждый на своём посту,
То погружаясь, то всплывая,
Мы брали нашу высоту.

Её на флоте измеряли
И на волне, и под волной
Огнём любви, золой печали
И далями, и глубиной,

И нашей волею держаться
В стальной отсечной тесноте
На высоте души моряцкой —
На океанской высоте.

* * *

Не поменять коней на переправе
И жизнь на том и этом берегу.
Я многое бы в ней хотел исправить,
Да малого исправить не могу.

Но слава Богу мне средь серых буден
Никто вослед ни разу не сказал:
«Он не пришёл, а говорил, что будет.
Он обещал, да слова не сдержал».

* * *

Не морем одним, а суровостью всех океанов
Испытан на крепость и верность
военный моряк.
В борта корабельные бьётся волна неустанно,
Над мачтами солнце сияет, и звёзды горят.

Слетаются штили и штормы, посланники ветра;
И пленники ночи, судов ходовые огни;
И лето во время зимы и зима вместо лета;
И полузабытые лица друзей и родни.

Мешаются сны о грядущем и память
о прошлом;
И запахи моря и чьих-то любимых духов;
И всё, что считалось плохим,
что казалось хорошим –
За что ты идти в океан днём и ночью готов.

Над старым причалом
прощально протянуты руки,
И ветер тревожный в антеннах упрямо свистит
О том, что для жизни
нужны корабли и разлуки,
И штормы, которые кто-то обязан пройти...

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭТ ОКЕАНСКОЙ ПРОБЫ 5
АВТОНОМКА 71
Ах, если бы вновь было можно 85
БАЛЛАДА О ВЫХОДНОМ ДНЕ 76
БАЛЛАДА О ГОДЕ РОЖДЕНИЯ 114
БАЛЛАДА О ДВУХВЁСЕЛЬНОЙ ЛОДКЕ 130
БЕЛЫЙ ВАЛЬС 97
Была ты, я скажу не в шутку 84
Быстролётная жизнь —
ах, когда б ни конца ей, ни края!.. 48
В гулком объёме квартала 180
Весь мир играл в «холодную» войну 82
ВЕТЕР 166
ВЕТЕРАН 98
Ветра солёные в лицо 31

ВЛАДИВОСТОК 148
ВОЛНА 72
ВОСПОМИНАНИЯ О КАВКАЗЕ 122
Вот здесь, в логу, среди могил забытых 110
В ОТПУСКЕ 24
— Воюем всё... — вздохнул угрюмо 66
Всё нормально. Светлый день 40
Всплываем в полночь. Ходовых огней 68
Где камень, сон-травой повитый 182
Горнист медногорлый споёт
увертюру тревогам 36
ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ 90
ДОМ 104
Дрейфуют айсберги и льдины 189
Душа полна непреходящей боли 70
Ещё причал невыносимо близко 56
Живёте вы далёко 154
Закат ли прощально горит 138
Зимы балтийской всё приметней знаки 46

Из забытого сна, из-под замети лет,
из-под спуда 152
И не в мечтах, и не во сне 185
...И снова раньше времени — подъём! 64
Кажется, что нету жизни 169
Какой буран свалился в марте 167
Как рассказать о море, о походе 44
Как я живу? Кому какое дело? 168
Капитан-лейтенант, вы слегка очумели 88
Когда бы я прожил ещё лет сто 177
Когда взойдёт последняя заря 54
Когда на рубежи державы 139
Когда уходим в море, вместе с нами 95
КОНСТАНТА 120
КОРАБЛЬ УХОДИТ 136
КУПАЛЬЩИЦА 132
Лечебная, как мумиё алтайское 181
МАРШ-БРОСОК 16
МАТРОСЫ 26

Мирный жребий военного флота 12
МОНОЛОГ НЕИЗВЕСТНОГО 173
МОРЯКИ 34
Мы нынче стали выглядеть нелепо 106
Мы снова в походе. Мы сбились со счёта 67
На берегу пустынных волн 150
На родимой земле 127
Нас нынче мало. Ну и что? 86
Небесный свод очерчен горизонтом 108
Не знали мы путей и поворотов 140
Не морем одним, а суровостью всех океанов . . 192
Не надо слов пустых и непустых не надо 178
НЕНАПИСАННЫЕ ПИСЬМА 142
Не поменять коней на переправе 191
Неужели Земля станет камнем бесплодным . . . 20
НИЩИЙ 99
Ночной залив прохладой дышит 21
НОЧЬ НА РОЖДЕСТВО 74

Ну, здравствуй, Севастополь!
Здравствуй, Крым! 146
Ну что такое, в самом деле! 17
Она ещё жила, моя страна 119
Отставник, я от службы свободен 156
ПЕРЕПРАВА 158
ПОВЕСТКА 13
ПОДЪЁМ ФЛАГА 25
По ласковому голосу комдива 30
Половинка луны 62
По плану подготовки боевой 59
По сводкам — переменная погодка 101
ПОСЛЕ СТРЕЛЬБ 38
ПОЮЩЕЕ МОРЕ 10
Припрятав комсомольский чуб 175
Промёрзшие ослепшие дома 96
Простая задача у встречного ветра 22
Простудилось камчатское лето 112

РАБОЧИЙ КИТЕЛЬ 50
Растянув брезент помятый 15
Растянута по леску 162
РОДНЯ 149
Росла бы, да ночью остужной 134
Россия! Меж сонных погостов 129
Ручей путём извилистым и длинным 171
СИГНАЛЬЩИК 52
СОБАЧЬЯ ВАХТА 60
Согрелись дизеля, запели 78
Спасители земного мирозданья 102
СТАРЫЙ СЮЖЕТ 42
СТИХИ О ШТОРМАХ 18
«Там идёт день и ночь в эту пору...» 92
ТАМОЖНЯ 174
ТОСТ 45
ТОСТ ОФИЦЕРОВ ПОДПЛАВА 94
ТРЕВОГА 58
Третий класс «проходил» Маршака 160

Три дня всего, как вымпел с мачты снят 47
Три часа до Читы 124
У БОСФОРА ВОСТОЧНОГО 164
Уже для нас буксир разводит боны 32
УЧЕНИЕ ПО ЖИВУЧЕСТИ 51
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ОТСЕК 65
Что ты ворчишь на жену, на погоду 80
ШЕВАРДИНСКИЙ РЕДУТ 144
Этот дождь — про тебя.
О тебе нежный плач водостока 187
Эхом дружеских песен 28
Я помню, у меня была душа 100
Я приехал с Балтийского флота 121

Владимир Михайлович ТЫЦКИХ

НА ВЫСОТЕ ОКЕАНА

Стихи в авторской редакции.

В оформлении использованы фото
из архива автора.

Технический редактор — *Владимир Постышев.*
Ответственный за выпуск — *Эльвира Кочеткова.*
Допечатная подготовка — *Владимир Постышев.*

Заказ № 0248238 Бумага Golden Star
Формат 60x84/32 Усл. п.л. 3,5 Тираж 350 экз.
Подписано в печать 15.09.2021
Печать офсетная.

Отпечатано в типографии АО «Полицентр»
г. Арсеньев, ул. Заводская, 5.
Тел. 8 (42361) 4-45-89.

У моряка две жизни – на море и на берегу. Две мечты – о земле и море. И только одно небо – небо Отечества.

Вл. Бочуков

ISBN 978-5-93577-240-6